

ЕВГЕНИЯ ФИХТНЕР

МЕЖДУМИРЬЕ

Евгения Фихтнер

Междумирье

«Остеон-Групп»

Фихтнер Е.

Междумирье / Е. Фихтнер — «Остеон-Групп» ,

Где-то очень далеко, между небом и землей, есть таинственное место, которое невозможно отыскать ни на одной карте. Это – Междумирье. Всем нам суждено здесь побывать, чтобы выбрать для себя – возвращаться ли на землю или идти дальше – в загадочное, пугающее, неизвестное...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Евгения Фихтнер Междумирье

Душа – это бог, нашедший приют в теле человека.
Сенека

Глава 1 Между землей и небом

«Профес sor был хмур, как туча, затянувшая сентябрьский небосвод и сделавшая лица людей серыми и скучными...»

Наверное, именно так выразил бы свои мысли поэт, ищущий вдохновения в каждой капле дождя.

Но невыспавшийся Сергей Петрович не был поэтом, и сегодня ему было не до лирики. Этим утром профессор был зол, как черт, укушенный пчелой. Нет, он не поссорился с женой и не споткнулся в прихожей о кота, этого серого пролетария, всегда появляющегося там, где его не ждут. Не столкнулся в лифте со своей соседкой – стареющей красавицей с ядовито-морковными губами над прокуренными зубами и удущивым запахом духов, исходящим от ее необъятной груди. Ему не нахамили в маршрутке, в которую он сумел втиснуться в час пик. Вроде бы не было причин для душевной сырости и без вина похмельного настроения, но...

...Но этой ночью Сергея Петровича мучили застарелые кошмары, и он вновь от кого-то бежал, спотыкался и падал, запутавшись ватными ногами в зыбучем песке. И кто-то страшный, с перекошенным от ярости ртом, тяжело наваливался и с размаху, по самую рукоятку, вонзал кинжал в его грудь. Затем убийца выдергивал клинок, и профессор видел, как фонтан крови с неприятным свистом пробитого легкого, вырывался наружу и заливал его брюки. Защищаясь, Сергей Петрович сжался в комок, попытался зарыться в песок, но (как и раньше!) не смог сдвинуться с места.

Но неожиданно убийца споткнулся и навалился сверху, обдав тяжелым смрадным дыханием. Кинжал пробороздил песок рядом с профессорским ухом. И чья-то сильная, затянутая в украшенную драгоценными камнями перчатку, рука оттянула назад голову бандита и отсекла ее. Потом этот невидимый с торжествующим хохотом раскачал в воздухе кровавый маятник, отшвырнул его в сторону и растворился в ночи. Испуганный профессор напрягся и сбросил с себя обрубок чужого тела. Отрезанная голова оскалилась в зловещей улыбке и, лязгая зубами, подкатилась к ногам профессора, чтобы разорвать сухожилия.

Профессор зажал ладонью рану на груди, судорожно подтянул под себя ноги и пополз по песку. Но увяз в нем, закричал от страха и... проснулся.

Несколько мгновений он дико озирался в темноте в поисках того, кто затаился в углу и хочет продолжить свою охоту. Затем немного пришел в себя, включил торшер и посмотрел вначале на часы, затем на спящую жену. На ее мягкие, рыхлые плечи. На проблескивающие в свете торшера и навевающие странные мысли о кровожадных дикарях-людоедах проборы между намотанными на железные бигуди волосами. На волевой подбородок и тонкую линию поджатых губ, даже во сне не меняющих своего кислого выражения.

Глядя на жену, Сергей Петрович испытал очередной приступ тихого раздражения, случавшегося с ним теперь все чаще и чаще. И он завел ставший уже привычным монолог с самим собой.

«Брачные узы! Вот она, эта семейная повинность, к которой я приковал себя тридцать лет назад – лежит в постели, как гора сдобного теста. И кто мог подумать, что его Танюша

с годами превратиться из тонкой идейной девушки, горевшей мечтой о светлом будущем, в такую бабищу! В такую безнадежно упрямую тетку! Как была деревенщина, так и осталась. Хоть и библиотечный техникум закончила заочно.

Ладно, пусть приглашает к себе подруг из деревни, пусть хвастает перед ними мужем-профессором, шелковым халатом с жар-птицами и немецким чайным сервисом. Но крестить внука – увольте! Всё мечтает о Царствие небесном, обчитывается литературой религиозной. Внука, еще не хватало, молиться научит сдуру. Сынок тоже ходит как оглоушенный – от компьютера не оторвешь, все читает о переселении душ. Того и гляди, свихнется со своей мамой за компанию. Ну что за семья? Ходят, как одурманенные! Бога нет и нечего его придумывать. В космос слетали, Луну покорили, а там и до Марса – рукой подать. Нет, мы так и будем топтаться на одном месте со свечкой в руках, надеясь на помощь свыше. На себя надо надеяться! На себя!»

Мысли Сергея Петровича шли внахлест, как морские волны. Он понял, что не любит жену, давно и безнадежно. Сергей Петрович кисло улыбнулся своему неожиданному открытию. Голову пекло так, словно он всю ночь лежал макушкой на батарее. Ставшаясь отвлечь взгляд от когда-то обожаемого лица, на которое неожиданно захотелось положить подушку, профессор попытался вспомнить свой сон, преследующий его всю жизнь и вызывающий желание перекреститься и поплевать через левое плечо. Но не смог – лишь какие-то обрывки, разрозненные куски мозаики. Помаявшись еще немного, Сергей Петрович уткнулся лицом в подушку и вновь провалился в пустоту.

Через полчаса резкий звук будильника выдернул его из постели. Наскоро, чтобы не столкнуться на кухне с женой, профессор попил чаю и попытался уйти незамеченным. Но из спальни донесся сонный голос:

– Сережа, вынеси мусор по дороге и приходи пораньше, сегодня к твоему внуку крестные приезжают.

Сергей Петрович дернул плечами, пробурчал что-то невразумительное и вышел из квартирьи, демонстративно не взяв мусорного ведра.

* * *

Одолеваемый сердитыми мыслями и придерживая рукой плащ, от которого в утренней давке отскочила пуговица, Сергей Петрович подошел к университету. На тротуаре, прямо перед входом во двор, разлилась небольшая лужа, через которую профессор решил по-молодецки перепрыгнуть, но промазал. Зачерпнув ботинком воды, он чертыхнулся себе под нос и в отвратительнейшем настроении перешагнул порог Альма-матер… Лаборантка Леночка мигом оценила обстановку и, прячась от неминуемой грозы, испарилась из кабинета. «Дура набитая, – пробурчал Сергей Петрович – только танцы на уме. Сколько ее помню – все улыбается. И чему радуется, спрашивается? Высшему образованию? Тому, что прыщи с носа сошли? Так они ее и не портили особо, все равно страшнее атомной войны…»

Поняв, что Леночка уже не вернется и сорвать злость не на ком, Сергей Петрович пошел читать архитекторам лекцию о религии. Давно нужно было бы убрать эту тему из курса, который он читал уже много лет. Профессор не любил эту тему. Будущих великих зодчих он не любил еще больше. Амбиций куча, лезут с глупыми вопросами: «Почему, если Бога нет, все народы в него верят? – Сергей Петрович в умे гнусаво передразнил заумную второкурсницу. – А потому, деточка, что такие вот, как вы, и верят, внешне молодые, а в душе старухи. Придумали себе идола и верят в него, лишь бы было на кого свои ошибки спихивать. Как моя Танюша». При воспоминании о супруге профессор поморщился и сердито шагнул в аудиторию. В мокром ботинке противно чавкнула вода.

* * *

Студенты вяло записывали лекцию, не проявляя к предмету никакой заинтересованности или неприязни. Поэтому, плотнее стискивая раздираемые зевотой челюсти, слушали лектора, любившего, чтобы ему внимали молча.

И вдруг с последней партии донеслось:

– Сергей Петрович, а что будет с душой человека после его смерти? Вот вы говорите, что ничего. А вы сами в это верите?

Профессор оторвал взгляд от конспекта лекции и пошарил глазами по аудитории. Он не понял, к чему был задан этот вопрос? Голос вновь зазвучал с задних рядов:

– Неужели вы на самом деле не верите, что душа существует? И живет она тысячи лет, пока не устанет и не разлетится по Вселенной на мелкие частицы, чтобы стать частью силы, создавшей её?

Баритон принадлежал тощему парню, одетому в растянутый вязаный свитер. Он с любопытством смотрел на профессора и говорил, наклоняя голову к правому плечу. Сергей Петрович не успел раскрыть рта, как нахальный студент продолжил свое одиночное выступление:

– Почему тогда египтяне поклонялись Амону-Ра, надеясь, что он позволит им еще раз увидеть Солнце после смерти? Ведь они бальзамировали своих покойников, зная, что тело нужно сохранять для загробной жизни? А греки с их Хароном, перевозящим души через реку Стикс? Ведь все тоже верили, что душа бессмертна. Индийцы, китайцы, мусульмане, христиане – неужели все они ошибались, утверждая не только наличие, но и бессмертие души?.. Как же так?

Сергея Петровича перестали подтасчивать назойливые мысли о семейных неприятностях и мокром ботинке. Профессор был атеистом, твердо уверенном в торжестве научных фактов, и терпеть не мог всех этих рассуждений о душе, Боге и реинкарнации. Поэтому и пресекал их в самом зародыше, пока не начинались пустые разглагольствования о «сущи мирозданья». Он грозно взглянул на парня, который лишь улыбался, крутя длинными пальцами карандаш. Наконец тот выскользнул, со стуком упал со стола на пол и покатился по аудитории. Сергей Петрович проследил взглядом его движение и неожиданно успокоился – напряжение как рукой сняло. Это всего лишь очередной молодой умник! Из семьи бюджетной интеллигенции – мама учитель, папа врач. Если он еще есть, этот папа. А то, поди, воспитывают мама с бабушкой, пичкают мальчика книжками заумными, вот и получился нескладный итог. Еще один любитель острым вопросом поставить профессора в тупик. Чтобы потом группа оказала ему уважение: «Какой молодец, лихо ты профессора отбил!». Такого Сергея Петровича допустить просто не мог – чтобы какой-то перечитавший на ночь фантастики недоросль издевался над уважаемым человеком.

– Молодой человек, у вас есть факты, на которые можно опереться? Научные доказательства, обоснования?

Парень тряхнул волосами и улыбнулся:

– У меня нет ни фактов, ни доказательств. Они мне просто не нужны. Доказывающий не знает, знающий – не доказывает. Мудрость Лao Цзы, верно, профессор?

Так, даосизм приплел к чему-то. Ну, хорошо, победа над сильным приятнее. Хотя – какая победа? Над этим высокочкой, возомнившим себя всезнайкой? Ну, это уж слишком, пойдем короткой дорогой к истине.

– Я очень рад, юноша, что вы кое-что знаете. Только не идите по ложному пути. Жизнь после смерти или реинкарнация или загробный мир – всего этого не существует! Это всего лишь вымысел необразованных масс, которые хотят верить в сказку о жизни после смерти.

– То есть вы хотите сказать, что мы живем один раз, так?

– Да, – твердо ответил профессор.

– И души нет?

– Нет. Есть высшая мозговая деятельность, отвечающая за рефлексы. Она позволяет человеку думать и фантазировать. А страх перед смертью заставил человека придумать загробный мир...

– Вы уверены? – перебил студент.

– А вы не уверены? – с раздражением спросил Сергей Петрович. Группа, стряхнув остатки дремы, встрепенулась и с любопытством наблюдала за происходящим.

– Я просто сомневаюсь и пытаюсь найти ответы на свои вопросы. Ведь известны такие факты, что человек вспоминает свои предыдущие жизни – когда его вводят в гипноз, например. Или, умирая, видит коридоры, по которым он летит. Или попадает в те места, где никогда не бывал. Греки называли такие места Междумирьем – туда попадают души, уходящих Наверх или возвращающихся на Землю.

Сергей Петрович тяжело опустился на стул и решил прекратить дискуссию:

– Как вас зовут?

– Марк, – ответил парень.

Сергей Петрович подавил смешок: как же, таких обычно зовут Марками. Тех, кто вечно не согласен с нормами и все время пытается вытащить на поверхность нечто особенное, этакое с подвывертом, с выпендрежем. Странное имя у парня, библейское. Еврей? Преподаватель пристально посмотрел на студента. Да нет, вроде не похож.

– Марк, а в чем вы, собственно говоря, сомневаетесь? – тон профессора приобрел покровительственность. – Во-первых, Междумирье – это термин Платона, это было очень давно, когда люди верили в Олимпийских богов. Надеюсь, вы сейчас в них не верите?

Профessor сыронизировал. Марк лишь хмыкнул, но Сергей Петрович любил доводить дискуссию до конца, до своей убедительной победы. Поэтому он проигнорировал хмыканье и продолжил, постукивая ладонью по конспекту лекции:

– Во-вторых, коридоры возникают из-за кислородного голодаия умирающего мозга. И человеку кажется, что он летит по коридору и видит впереди себя свет. Или своих родственников, которые ведут его в чистилище. Но на самом деле этого нет. Человек живет один единственный раз и, к сожалению или к счастью, умирает тоже один раз. А потом – пустота...

– Да, – студент вздохнул, – я слышал о такой гипотезе. Но я читал, что в Индии очень часто встречаются люди, которые точно описывают то место, где они жили в прежней жизни. Например, недавно пятилетнюю девочку везли из Бомбея в глухую деревню – она утверждала, что она взрослая женщина и у нее трое детей. И когда приехали на место, она узнала своего мужа и первым делом спросила, куда он дел старую машину. Муж был в шоке. А когда девочку везли обратно в Бомбей, она спала всю дорогу, почти двое суток, и, проснувшись, уже ничего не помнила и не маялась – вроде бы душа побыла на старом месте и успокоилась. Хотя утверждают, что душа – не имеющий воспоминаний безличный поток божественной энергии. Как вы считаете, профессор?

И тут Сергей Петрович рассвирепел:

– Хватит нести бред! Вы мне сейчас напоминаете одну знакомую, которая на старости лет начала бить лбом поклоны! Возьмите Фейербаха и почитайте, только очень и очень внимательно почитайте! Он писал о том, что бога люди придумали, поставили его над собой и стали преклоняться своей же собственной выдумке. И в итоге стали бояться этого самого бога – плод собственных фантазий и иллюзий!

– В конце жизни Фейербах пришел к Богу. Надеюсь, что было не поздно, – уверенно и спокойно произнес студент.

По тому, как аудитория замерла, стало ясно, что все ожидают – кто кого. Сергей Петрович понимал, что доводы студента не лишены здравого смысла, и дело принимает не совсем хороший оборот для его репутации. Он нервно встал и навис над столом:

– Вы уж определитесь,уважаемый, о какой религии сейчас ведете речь? Сплели все – и даосизм, и христианство, и индуизм с переселением душ. Нахватались по вершкам и заблудились. Сами придумали себе забаву – и запутались. Объясните мне, по-че-му вы так уверены, что душа – не плод фантазии человека? Я уже не спрашиваю о переселении – одной из самых смелых его выдумок!

– Потому что её не может не быть – (в отличие от преподавателя его визави держался хладнокровно, только резко очерченный румянец полыхал на щеках). – Профессор, скажите честно – вы боитесь своего неверия? Вы ругаете свою жену за то, что она хочет крестить внука, а сами до конца не уверены – правильно ли ненавидите ее за это? Ведь где-то в глубине души вас одолевают сомнения? И вы иногда задумываетесь о смерти и побаиваетесь своего неверия...

Сергея Петровича бросило в жар. На лбу выступил пот, и он стал судорожно шарить в карманах в поисках носового платка. Откуда парню стало известно о предстоящем крещении его внука и тем более о его мыслях по этому поводу?

– Моя мама хорошо знакома с вашей Татьяной Ивановной, – продолжил свое тихое наступление студент, – они иногда вместе ходят в церковь. Моя мама работает реаниматологом – эта профессия, как Вы понимаете, далека от религии. Но она не захотела подавить в себе веру в человеческую душу – поэтому у нее так мало смертей во время операций. Она мысленно уговаривает души не покидать свои оболочки, побывать еще немного на этом свете. И знаете, много интересного узнает после операций от своих пациентов. Например, о коридоре, который вы называете кислородным голоданием. Иногда они видят просто дорогу в иной мир – она всегда ведет ввверх.

И тут Сергея Петровича прорвало. Он загремел набатом, сбросив с себя лоск цивилизованного человека:

– Вон из аудитории! Придумали тут какое-то крещение! Сидит, изгаляется тут передо мной, зубки скалит. Немедленно идите к декану и пишите объяснительную о своем поведении.

Студент ошарашило посмотрел на преподавателя:

– А что не так в моем поведении?

– Вон отсюда! Наглец!

Марк привстал, хотел что-то еще сказать, но потом как-то опал, съежился и стал суetливо заталкивать тетрадь в сумку. Румянец на его щеках полинял, по лицу разлилась тоскливая бледность. Ссунувшись, скособочившись, неуклюже загребая худыми ногами, он пошел к выходу. Уже в дверях он оглянулся и как-то нелепо, извиняюще улыбнулся. Как щенок, которого ни за что ударили любимый хозяин. Сергей Петрович посмотрел на него невидящим взглядом и повернулся к аудитории. Неожиданно для себя наткнулся на холодную стену прищуренных студенческих глаз. Однако и они дрогнули ресницами и опустили взгляды в конспекты с неоконченной лекцией...

* * *

Какой все же наглец! Опозорить перед группой пытался. Наверное, героем себя считает, дырку для ордена сверлит в свитере – пиджаки такие принципиально не носят, стиляги местного разлива. Ишь ты, провинциальные философы. Развелись тут на нашу голову. Лужи еще эти как назло! (Сергей Петрович вновь чуть было не наступил в знакомую лужу, которую теперь предпочел не перепрыгивать, а обойти). И вроде бы все нормально, пора успокоиться – куда против него этому мальчишке! А на душе по-прежнему скребли кошки. Не нужно было

вчера с женой разговаривать вообще. Надоела со своими проблемами! Эх, надо было на Светке из параллельного класса жениться – работает сейчас инженером, звезд с неба не хватает. А эта – насиится в своей библиотеке, начитается романов и достает потом разными глупостями. Лучше бы щи готовить научилась, как положено. А то вся в своих бреднях. Сына такого же вырастила – молоток из рук вываливается, каша во рту стынет. Третий раз в академотпуск уходит – видите ли, не интересно ему учиться! И жену нашел себе под стать – напялят очки и беседуют о том, как лучше ребенка воспитывать. Какую бы книжку и ему уже впихнуть. Тьфу, не сынка вырастил, а такого же волосатика, как и сегодняшний заумник. Ну этот, со слов декана, хоть учится хорошо, а мой оболтус – в маму пошел, только на библиотечный техникум и хватит сил, наверное...

Мысли путались. В висках стучало так, что Сергей Петрович не замечал, что разговаривает сам с собой и на него с удивлением смотрят прохожие. Не слышал он и предупреждающих окриков женщины, попытавшейся дернуть его за рукав, когда он рванул через дорогу на запрещающий свет светофора. Не слышал визга красного «Москвича», судорожно тормозящего на мокром асфальте. Почувствовал лишь сильный удар, который резко сбил его с ног, заставил странным образом пролететь в воздухе и упасть на дорогу. «Какая нелепая смерть – под колесами старого автомобиля», – невесело усмехнулся Сергей Петрович. От удара голову его развернуло в сторону университета, и он заметил, как сидящий на лавочке парень поднял воротник и глубже в него уткнулся. Затем молодой человек (Марк?) – поднялся и пошел к телефонной будке. Набрав номер, он начертил на запотевшем стекле странный знак: чашу, обвитую коброй.

* * *

Сергей Петрович лежал на холодном асфальте, неподвижный, в неестественной вывернутой позе. Вокруг него начали собираться люди. Неожиданно он увидел то, что в другой ситуации его непременно бы напугало – сквозь толпу к нему пробиралась его мать. Она склонилась над ним, вытерла рукой кровь с его лица и спокойно сказала:

– Все хорошо, сынок, все хорошо. Вот мы и встретились...

– Мама? Ты же давно умерла?

– Сережа, это неправда. Матери никогда не умирают. Они живут рядом с детьми, чтобы всегда прийти им на помощь. Вставай, нам пора уходить.

– А куда мы пойдем? – удивился Сергей Петрович.

Мать улыбнулась и взяла его за руку:

– Мы пойдем туда, где на все вопросы есть ответы. Где не нужно делить истину на свою и чужую, где правда – главный закон.

Мать крепко сжала руку своего сына и повела его по краю дороги, освещенному странным светом, так похожим на свет автомобильных фар в темноте. Но, против всех законов физики, он не рассеивался, а сужался и уходил вверх, уплотняясь с каждым шагом. Сергей Петрович обернулся, пытаясь увидеть источник этого света, но не нашел его. Поискав глазами Марка и увидел, что тот стоит, упервшись плечом в телефонную будку, и с интересом смотрит на человека, лежащего на асфальте. Уже успела подъехать скорая. Санитар отодвинул собравшихся, проверил у лежащего пульс, посмотрел в зрачки и ладонью прикрыл ему веки. Так же по-деловому быстро тело погрузили в скорую помощь и, захлопнув двери, тронулись. Сергей Петрович рванулся было догонять машину, но мать ласково провела по его руке:

– Сережа, нам в другую сторону.

И ему на самом деле стало понятно, что теперь нужно идти по той дороге, куда направляет его невидимая сила. Но почему же так хочется плакать, так невыносимо жжет в груди и хочется сжаться в комочек и стонать от невыносимой боли?

— Это душа прощается с живыми, с теми, кто остался в том мире. Скоро твоя печаль пройдет. Это происходит со всеми душами, уходящими из тела. Если ты будешь долго себя жалеть — ты измучаешь своих близких, которые остались там, далеко. Не стучись в их сердца, не заставляй их сжиматься от боли и отчаяния. Ты найдешь здесь новых друзей, тебе будет с кем поговорить и поспорить. Шаг за шагом ты будешь погружаться в новую жизнь. Если захочешь, то когда-нибудь позже ты можешь вернуться на землю. Мы изредка ненадолго туда возвращаемся. Понимаешь, Сережа, здесь все совсем другое, особенно время — оно течет иначе, то останавливаясь, то убегая далеко вперед.

Сергей Петрович зачарованно смотрел на ковыlinки, которые совсем не мялись и не прогибались под его ногами. И вдруг он осознал, что для него все закончено — и то, что успел, и то, что оставил на потом. Он вновь оглянулся и увидел, как вдалеке, на пригорке, маленький мальчик в буденовке с нашитой звездой машет ему рукой, сжимающей бумажный самолетик. Сергей Петрович узнал себя и посмотрел на маму — видит ли она. Та лишь покачала головой.

— Сережа, помнишь, как мы спорили о том, есть рай или его нет. Так вот: он — есть, и его — нет. Если захочешь — ты создашь его для себя, захочешь — разрушишь. И будешь чувствовать, что ты в аду. Здесь — мир иллюзий, ты можешь приблизить и отдалить от себя других, можешь найти родственную душу и вновь ее потерять. И одновременно с иллюзией здесь господствует истина. Пойми одну простую вещь — еще при жизни человек знает, что выбрать для себя, куда ему попасть. Хотя, скоро ты все узнаешь сам.

Сын смотрел на нее, ничего не понимая. Как можно выбрать для себя ад или рай? Кто же захочет в преисподнюю? Небось, очереди там не бывает…

Дорога становилась все круче. Сергей Петрович вновь оглянулся через плечо и увидел, что мальчишка все еще стоит у обочины. Утопая босыми ногами в жаркой пыли, он с любопытством рассматривал самолетик. Через секунду мальчишка все же запустил в небо свою бумажную игрушку и, радостно смеясь, бросился за ним вдогонку. Убегая от себя взрослого…

— Сережа… Вот мы и пришли.

Мать остановилась у неприступной горы, внезапно выросшей перед ними, и посмотрела сыну в глаза:

— А дальше ты пойдешь один. Тебе нужно узнать много удивительных вещей о себе.

— Мама, а мы еще встретимся?

Мать утвердительно качнула головой:

— Конечно, сынок. Немного позже. Только запомни, что время здесь течет совсем по-другому, ничему не удивляйся. Это тебе кажется, что ты не видел меня много лет, а для меня прошел всего один день.

Она погладила по волосам и поцеловала своего быстро выросшего сына. Сергей Петрович ощутил ее ласковое прикосновение и удивился этому. Как странно, подумал он, ведь нервные окончания бывают только в теле человека, неужели душа тоже чувствует? Мать вновь улыбнулась:

— Она все чувствует. Хорошо, что ты все-таки это понял. А теперь иди и ничего не бойся.

Гора взмывала ввысь, прокалывая вершиной белоснежное облако. Ни лестницы, ни ступеней — только резкий подъем вверх, по которому, казалось, невозможно подняться. Сергей Петрович обернулся, чтобы спросить у матери совета, и увидел, что стоит совершенно один.

— Мама, где ты?

— Где ты, где ты, где ты, — испуганно повторило эхо. И только ветерок прошептал — иди, иди, не бойся.

Сергей Петрович шагнул к горе…

Глава 2

Междумирье

Души не умирают.

*Покидая прежнее местопребывание, они живут в других местах,
которые вновь принимают их.*

Овидий

...И оказался на зеленой лужайке, в центре которой возвышался щедро накрытый стол. На низких топчанах полулежали четверо мужчин почтенного возраста, одетые в длинные белые хитоны. Один из старцев приподнялся на локте и приветливо улыбнулся Сергею Петровичу.

– О, друг мой, заходите на наш скромный пир! Сократ, посмотрите, кто к нам пришел: великий спорщик! С которым вам, почтенный мудрец, есть о чем поговорить – в его душе, кажется, начали бродить сомнения в собственной упрямой правоте. Не правда ли, друг мой?

– Платон, оставь юношу в покое! – старец приподнялся на локте и пригрозил собеседнику пальцем – Не пугай нашего друга, дай ему осмотреться.

Сократ! Платон! Сергей Петрович испуганно шагнул назад и уперся во что-то спиной. Оглянувшись, он увидел огромную оливу, к которой был приколочен металлический щит, с выгравированной надписью: «МЕЖДУМИРЬЕ».

«Кто это? Где я? Боже мой, неужели я на том свете? Или мне все это снится? Да, наверное, нервы стали шалить, вот и мерещится по ночам всякая ерунда...» Пытаясь проснуться, профессор ущипнул себя изо всей силы за руку. Стало больно, но старцы никуда не исчезли и с интересом наблюдали за манипуляциями гостя. С опасливым любопытством Сергей Петрович посмотрел на стол. На золотистой скатерти в большом серебряном блюде дымилась аппетитная жареная баранина, истекал янтарным соком виноград, белел сыр и возвышался большой сосуд. «Что это? Вино? – удивился профессор, – или нектар, который пьют боги?». Один из почтенных мужей улыбнулся и протянул руку:

– Присаживайтесь, юноша, не стесняйтесь нашего общества. Развейте свои страхи – мы не боги, куда нам до них. Да и зачем? Мы такие же простые смертные, как и ты. И, честно говоря, так устали спорить друг с другом, что рады любому гостю.

Сергей Петрович молча топтался на месте и не решался подойти. Старец встал со своего топчана, подошел к нему и взял его ладонь в свою теплую руку.

– Будем знакомы: я – Сократ. Вот (он указал на благообразного старика) – мой друг и любимый ученик Платон, без которого обо мне, может быть, и не узнали люди – ведь он все время записывал мои слова. Смотрите, юноша, он и сейчас пытается что-то писать – водит в воздухе рукой, словно деревянной палочкой по глине. Он хороший ученик – во многом обогнавший своего учителя.

Платон прижал руку к груди и поклонился учителю. Сократ сделал паузу и продолжил:

– Вот – многомудрый Пифагор, раньше всех на земле познавший тайну бытия. По совместительству – непревзойденный математик и геометр.

Пифагор хмуро улыбнулся гостю.

– А вот с этим, – Сократ обернулся к четвертому старцу, толстому и кучерявому, нужно всегда держать ухо востро. Это Диоген, великий пересмешник и бедокур. Кстати, здесь он всегда цепляется к Пифагору, но, я думаю, он может с удовольствием переключиться на тебя, наш гость. И тогда остается лишь посочувствовать твоей участии.

Диоген попытался отвесить шутливый поклон, но потерял равновесие и чуть не упал с топчана. Пифагор брезгливо поморщился. Сократ потер пальцами кончик носа, а Платон сделал вид, что вообще ничего не заметил.

* * *

Сергей Петрович смотрел во все глаза. Он не понимал, куда попал, не мог подвести под эту ситуацию ни одну из существующих теорий. Ну, понятно, ад или рай, реинкарнация или вообще – пустота, о которой он уверенно твердил студентам. Но чтобы встретиться не со служителями господа Бога, попасть не на высший суд, не в чистилище, а в общество философов – это было крайне непонятно. Да еще на какой-то горе. Что это? Олимп?

– Нет, юноша, это не божественный Олимп, – продолжил Сократ. – Это место мы называем Междумирьем. С легкой руки Платона, который впервые произнес это слово, и оно нам очень понравилось. Между – Мирье. Красиво звучит, правда?

Сергей Петрович судорожно начал вспоминать – да, он читал учение Платона о том, что души получают знания еще до рождения, а потом летят вниз, чтобы вселиться в тело младенца, находящегося во чреве матери. Но при падении они ударяются о землю и забывают вложенные в них в Междумирье знания. Идеи, которые человек должен всю жизнь искать и вспоминать. Но это же полная ерунда, которая изучается по принципу – да, была такая версия две тысячи лет назад...

– Да, души рождаются здесь – невозмутимо продолжал Сократ, который, видимо, был здесь за старшего – И сюда они возвращаются, чтобы понять – правильно ли они живут. Чтобы отдохнуть и излечиться от страданий. Или, как в твоем случае, чтобы понять, для чего они живут и что делать дальше.

Сергей Петрович озадаченно посмотрел на Сократа. И решил заговорить. Неожиданно для себя, голос его зазвучал неуверенно и робко.

– Междумирье – это ад или рай?

Старцы с изумлением взглянули на него и раскатисто расхохотались, словно услышали веселую шутку. Успокоившись, Сократ потер подбородок и подошел к Сергею Петровичу совсем близко.

– Ни то, ни другое. Здесь нет такого понятия. Междумирье возникло гораздо раньше, чем люди придумали рай, а потом создали себе ад.

– Я живой или мертвый? – перебил Сергей Петрович. На сей раз философы не засмеялись, а лишь переглянулись. Сократ кивнул головой Платону и тот, с благодарностью улыбнувшись учителю, продолжил.

– Как ты можешь быть мертвым, если говоришь с нами? Как ты можешь быть живым, если твоя мама привела тебя сюда? Ты – в Междумирье. Значит, между...

– ...между жизнью и смертью?! – выдохнул профессор, поперхнулся и закашлялся.

– Да.

– Нет! – неожиданно зау迫切ился профессор. – Это противоречит науке! Этого не может быть, потому что...

– Потому что наш профессор не хочет в это верить? – ехидно заметил толстяк Диоген. – Учитель, вы слишком прямы в своих объяснениях! Знания нужно вливать как лекарство – маленькими порциями. Расскажите ему немного про переселение душ – может, хоть это его заинтересует. Он так ловко отбрал студента на своей лекции, что ему самому было бы любопытно узнать, кем он был раньше.

– Переселение душ? – профессор недовольно поморщился. Началось в колхозе утро. Вернее, продолжилось. Сначала этот мальчишка нес околосицу про путешествие из тела в тело. Теперь во сне начало сниться то же самое.

Сергея Петровича прошиб пот – неужели он уснул во время собственной лекции?! Профессор впился в запястье ногтями, и почувствовал боль. Все было явью! Сократ взглянул на него с потаенной улыбкой, взял за руку и подвел к Пифагору – худому старику с тонкими нерв-

ными чертами лица. Великий математик ни на кого не смотрел, увлеченно рисуя прутиком на песке какие-то формулы.

– Профессор, – мягко проговорил Сократ. – Чтобы прошли все ваши страхи, которые не дают покоя вашей голове, я хочу подружить вас с Пифагором. Он может многое рассказать о переселении душ, он неоднократно доказывал это неверующим. Замечательный ученый, только вот своего ученика велел утопить только за то, что тот отказался верить, что любое число можно представить как сумму дробей, и по глупости задал вопрос: «А как же числа π или ϵ ?» Да, друг мой Пифагор, ты тоже не безгрешен, не правда ли? Куда уж нашему гостю с его упрямым желанием повергнуть своего ученика. Пифагор, как на твой взгляд, профессор достоин звания мудреца?

– Нет, старейшина. Он был не слишком уверен в своей правоте. А если человек не уверен, он не мудр. Вот Диоген – тот действительно был мудр. Может, профессору лучше сдружиться с ним?

И хитро сощурившись, Пифагор указал пальцем на толстяка, лениво рассматривающего свой бокал, и заговорил с нескрываемым ехидством в голосе:

– Интересно, ответы на какие вопросы ищет он в своем бокале? Или ему не нравится местное вино – он предпочитает винодельни Александра Македонского? Расскажите, благочестивейший Диоген, за что это великий завоеватель вместо того, чтобы отрезать ваш длинный язык, дал вам ведро монет?

Диоген изобразил сплошное благодушие и ласково улыбнулся Пифагору:

– Я сказал Александру, чтобы он не загораживал мне солнце, когда македонский царь пришел на меня посмотреть как на главную достопримечательность завоеванных им Афин. До меня ему еще никто не говорил, что человек может заслонить собой светило.

– После этого Диоген ушел в поход вместе с Александром, – продолжил Пифагор, – но вскоре ему наскучила такая жизнь, и он запросился домой. Александру тоже было не до философа, и Диоген вернулся в Афины. Сам растолстевший, как бочонок, он едва влезал в свою бочку, в которой так и продолжал жить. Однако свой ехидный нрав он не умерил. Платон, ведь и тебе досталось от этого циника, верно?

Платон недовольно поморщился и махнул рукой. Сократ удивленно поднял брови, словно он ничего не знал о тысячелетнем споре: что такое человек.

– Так вот,уважаемый, – продолжил Пифагор, – когда Платон написал, что человек – это двуногое прямоходящее существо без шерсти и перьев, Диоген тут же ощипал... петуха и не поленился, пронес его по всем Афинам, горланя: «Посмотрите-ка на платоновского человека!». И пришлось посрамленному Платону сделать стыдливую приписку о том, что хоть у человека нет шерсти и перьев, у него есть плоские ногти...

* * *

Сергей Петрович слушал и не слышал. Рассказы философов друг о друге лишь отвлекали от понимания сути происходящего. На душе была сумятица. На душе? – удивился он своей мысли. Ее нет, души. Он это точно помнит – ведь он верил в это раньше. До того, как попал в Междумирье. Неужели душа может путешествовать? Нет, этого не может быть!

Профессор плотно стиснул челюсти и тряхнул головой, пытаясь отогнать от себя навязчивую мысль о том, что он, кажется, начал сомневаться в своей правоте.

Сократ присел на топчан и обратился к Сергею Петровичу уже по дружески, как к равному:

– Ну что же,уважаемый профессор. Жаль, что сегодня с нами нет Аристотеля. Он такой же упрямец, как и ты, юноша. Он великий ученый, открыл круги кровообращения – а потом люди о них забыли на две тысячи лет. Он описал органы чувств, причем последним, шестым,

он назвал любовь – за то, что она неожиданно возникает и также неожиданно может закончиться. Аристотель так верил в силу ума и опыта, что был очень удивлен, когда попал сюда, в Междумирье. Он понял, наконец, что невозможно все узнать при жизни, что есть вещи запредельные для понимания, их невозможно объяснить обычной логикой.

– А почему я попал в Междумирье? Я же не Аристотель, мне далеко до него...

Сократ согласно кивнул головой и поправил полу длинного белого хитона.

– В Междумирье хранятся высшие знания, и именно сюда тебе и суждено было сегодня придти. Ты должен многое понять для себя. И оглянуться назад – так было решено наверху, законом, управляющим твоей душой. Проще говоря, тебе суждено было вернуться в Междумирье...

– Зачем? За что мне такая участь? – серьезно спросил профессор.

– Чтобы отхлебнуть яда из чаши знаний, – вдруг раздалось из-за его спины. – Пей!

Все обернулись. У дерева стоял Пифагор и держал в руках серебряную чашу, обвитую большой коброй. Увидев гостя, змея подняла голову и начала раздуваться. Философ наклонился к ней и что-то прошептал. Змея недовольно прошипела, затем изобразила на мордочке улыбку и переползла на его плечо. Пифагор шагнул к Сергею Петровичу и протянул ему кубок:

– Выпей один глоток! Не бойся, это не то вино, которое преподнесли Сократу его палачи – в нем нет цикуты. Но на все живое оно действует разрушительно. Выпив несколько глотков, человек постигает истину, доступную лишь избранным. Я по крупицам собирал мировые знания – у халдейских жрецов, у вавилонских и египетских магов – и сливал в эту чашу.

– Почему же вы предлагаете выпить из чаши знаний мне, за что такая привилегия? – спросил Сергей Петрович. Ему стало страшно, и он отступил.

И мудрецы заговорили все вместе, и голоса вскоре слились в единое целое:

– Потому что ты спорил сам с собой, доказывая другим то, в чем не был уверен. Ты повелевал умами – не заслужив этого права. Ты не пришел к истине – и не пытался ее искать. А тот мальчик, на которого ты разозлился на лекции – он и не думал тебя посрамить. Он просто хотел найти хотя бы кручинку души в твоих словах. Но ты не злой, ты просто сделал неправильный выбор. Как можно не верить в великую сущность, сотворившую всю материю? Как можно сомневаться в вечном?

И вдруг все разом замолчали. Долго стояли философы около чаши, обернутой змеей. Наконец, Сократ кашлянул и торжественно произнес:

– Если человек выпьет из этой чаши здесь, в Междумирье, – он узнает настоящую Истину. И ему станет легче, хотя дается это познание вначале очень мучительно. А потом, шаг за шагом, он придет к настоящим знаниям и они сделают его счастливым...

– Вот бы мне на земле такую чашу, – почему-то грустно произнес Сергей Петрович. Но Сократ хмыкнул и отрицательно покачал головой:

– Если человек при жизни отопьет из чаши знаний – он будет великим ученым. Настолько великим, что будет понятен лишь единицам людей – таким же избранным, как и он сам. Если чашу со знаниями дать испить всем – будет большая беда, настоящая человеческая катастрофа...

– Почему? – удивился Сергей Петрович.

– Ну, вот представь себе, что все люди будут знать, как делается атомная бомба...

Сергей Петрович подпрыгнул на месте: откуда они могли знать про бомбу? Они же совсем древние. Не может быть...

– Да-да, именно атомная бомба! Юноша, ты все время забываешь, что в Междумирье нет понятия времени – здесь зарождаются души, сюда же они и возвращаются поделиться накопленными знаниями. Итак, если все будут обладать секретами производства оружия или ядов, или заклинаний, где гарантии, что люди не убьют друг друга? Что ваша соседка не организует мини-лабораторию по производству лучей, убивающих все живое вокруг него? Нет никаких

гарантай. Поэтому и держится эта чаша со знаниями под надежной охраной и достается на земле лишь избранным. А здесь ты можешь спокойно узнать ответы на все твои вопросы.

Пифагор погладил змею по голове, и она ответила ему легким кивком.

– Ну что же,уважаемый профессор, пришло твое время. На какой вопрос ты хочешь получить ответ? Закрой глаза, подумай и скажи нам. Потом сделай один глоток – и ты узнаешь ответ.

Сергей Петрович закрыл глаза, и перед его глазами поплыла его жизнь. Ему совсем не хотелось узнать, почему так все сложилось – ведь он был материалистом. Он всего добивался самостоятельно, сам пробивал себе дорогу. Он никогда не шел по головам или костям. И совсем странным ему показалось, что ему не захотелось ничего узнать об этой своей жизни. Перед глазами неожиданно встал тот парень, Марк, со своим странным, все понимающим взглядом… Профессор поежился и, немного запинаясь от смущения, попросил:

– Я могу узнать, есть ли на самом деле переселение душ? И если оно есть – то кем я был раньше?

Диоген усмехнулся и повернулся к серьезному старцу:

– Пифагор, поговаривают, что ты, сын бога Меркурия, отдал свой дар бессмертия, только ради того, чтобы узнать о том, кем ты был раньше, в своих прежних жизнях. Правда ли это?

Пифагор утверждающе покачал головой и грустно улыбнулся:

– Да, потому что я получил больше, чем просто нестареющее тело. Я узнал, что душа поистине бессмертна. А прожить тысячи лет, изнывая от того, что видишь одно и то же из века в век – о, это такая скука…

И Сократ вновь обратился к Сергею Петровичу:

– Ты не хотел бы изменить свое желание?

– Нет, я хочу узнать – кем я был раньше! – твердо прозвучало в ответ.

– Ну, хорошо – пей, и ты узнаешь, прав ли был в том споре, который так дорого тебе обошелся. И еще ты поймешь, что не всё подчиняется законам, придуманным людьми.

Пифагор протянул Сергею Петровичу чашу, из которой резко пахнуло полынью. Змея изогнулась дугой, зависла над его головой и угрожающе зашипела. Профессор отпрянул. Мудрецы посмотрели с укоризной – нельзя бояться своих желаний. Пифагор успокоил кобру, и она сердито уставилась на Сергея Петровича. Набрав в рот напитка, едва сдержался, чтобы не выплюнуть в траву – таким горьким он показался. Но, немного свыкшись с неприятным вкусом, Сергей Петрович сумел протолкнуть его в горло. Язык слегка онемел, но на смену полынной горечи пришла сладость белладонны. Он облизнул с губ последнюю каплю напитка и посмотрел на философов. Ничего вокруг не поменялось, знаний в голове резко не прибавилось. Только трава, кажется(?), стала немного зеленее. Наверное, его обманули, подшутили?

– Итак, – сказал давно молчавший Платон. – Ты хотел узнать о том, кем ты был раньше? Тогда слушай. Твоя душа видела много оболочек. В некоторых она задерживалась совсем недолго – например, в тростнике или муравье, а в некоторых оставалась подольше. Но суть не в этом – сколько раз ты жил. Главное – делал ли ты выводы, переходя из раза в раз в другие тела. Подойди сюда, ко мне.

Платон сидел на краю глубокого обрыва, которого раньше Сергей Петрович и не замечал.

– Посмотри сюда, что ты видишь?

И вдали, внизу, стали выделяться странные очертания – большая комната и дубовый овальный стол, стоящий в ее центре; стены, увешанные тяжелыми доспехами и настенными канделябрами, большой камин, над которым висела огромная голова вепря.

– Что это? – с изумлением спросил профессор.

– Это дворец короля Артура, – уверенно ответил Платон.

– Короля Артура? – выдохнул профессор. – А при чем здесь я?

– Неужели ты ничего не помнишь, друг мой? – в голосе стоящего поодаль Пифагора чувствовалась легкая усмешка...

Профессор лишь пожал плечами:

– Нет, я вижу это в первый раз.

– Ты уверен? – прошептал незнакомый голос.

Кому он принадлежал – неужели, кобре? Не важно, уже не до этого. Его взгляд остановился на змее, которая, подобно маятнику на часах, мерно раскачивалась из стороны в сторону, словно готовясь к прыжку. И чем сильнее раскачивалась кобра, свисавшая с плеча Пифагора, тем более завороженным становился Сергей Петрович. – Смотри вниз! – приказал голос кобры.

Сергей Петрович повиновался и стал пристально всматриваться вниз. Смутные воспоминания мучили его, вызывая желание рассмеяться. Или – заплакать.

– Я был королем? – с тревогой спросил профессор.

– Нет, – произнес Платон – Твоя участь была немного счастливее.

– То есть?

– Ты был королевским шутом.

– Шутом? Какая странная прихоть. Я думал, что мое прошлое будет более героическим! – в голосе профессора (или – шута?) звучала ирония.

– Все мечтают быть королями, друг мой... – хмыкнул Сократ.

– Ты хочешь вспомнить, каково это – быть шутом при дворе Артура? – прозвучал неизвестный голос его спиной.

Сергей Петрович не ответил. Продолжая взглядываться вниз, он лишь слегка кивнул головой. Поэтому не заметил, как шутник Диоген тихо подкрался сзади и, резко толкнув в спину, сбросил его с отвесной скалы. «Умираю?» – неожиданно пронеслось в голове падающего Сергея Петровича. – «Нет, возвращаешься в свое прошлое», – кометой вспыхнул ответ.

Глава 3

Шут короля Артура

Любовь – как дерево; она вырастает сама собой, пускает глубоко корни во все наше существо и нередко продолжает зеленеть и цвести даже на развалинах нашего сердца.

Виктор Гюго

– Сэр Ланселот был так красив
Тра-ля-ля-ля-ля,
Что королеву соблазнил
Траля-ля-ля-ля-ля!
Король Артур силен и смел –
Идут ему рога!
Но даже ими не сумел
Он подцепить врага!

– Замолчи!

Побагровевший Артур с размаху ударили кулаком по дубовому столу, и по залу прокатилось гулкое эхо. Лютня выскоцила из рук придворного шута, королевского любимца Эктора – маленького уродца с невероятно тонкими кривыми ногами. Шут незамедлительно расплатаился на полу, скривил на старушечьем лице жалостливую улыбку и захныкал, пряча в морщины удивительно ясные, проворные глаза, которые внимательно следили за каждым движением повелителя. Но Артур не схватился за посох, стоящий рядом с троном, не выдернул из ножен кинжал: он лишь вновь громыхнул кулаком по столу.

– Как ты смеешь при мне петь эту гадость?

Багровость разлилась по лицу Артура. Шут захныкал еще громче и притворнее:

– О, мой король! – он пополз к нему на коленях, дурашливо извиваясь всем телом – Я твой верный пес и всего лишь выполнил твою просьбу! Ты просил меня развлечь тебя песней? Прости, что я испортил тебе настроение. Но я спел то, что поют все вокруг! Рыцари Круглого стола насыщают эту песенку себе под нос, когда видят твою супругу – прекрасную Гвиневру. Крестьяне распеваю ее во время сенокоса. А оруженосцы учатся под нее маршировать – она ритмична и легко запоминается.

Артур вскочил со своего кресла и шагнул к Эктору. Тот замер на месте, испуганно глядя на хозяина. Король завис над шутом с высоты своего исполинского роста, затем взял его за шиворот и поднял так, что их глаза оказались на одном уровне.

– Кто сочинил эту песню? Кто?

– Я не знаю, – неожиданно серьезно и негромко ответил шут, мотнув головой – У меня есть подозрения, но я боюсь ошибиться.

– Кто? – спросил Артур еще раз и опустил шута на пол.

– Мне кажется, что это сэр Мордред.

– Кто?? Мой племянник Мордред? – король уставился на шута с недоумением – Сын моей сестры Феи Морганы? Он же рыцарь Круглого стола!

Шут поправил на голове колпак и одернул пояс. Затем кивнул и заглянул в глаза Артура. Тот хмыкнул и недовольно засопел.

– Ты в своем уме, маленький уродец? Повтори еще раз то, что ты сказал!

– Ваша милость, только сэр Мордред умеет писать удачные стихи и мечтает занять место на троне...

– И это вызвало у тебя подозрение? То, что он умеет писать стихи и мечтает стать королем? А разве ты об этом никогда не мечтал в своих дурацких фантазиях?

Артур неожиданно расхохотался и тяжело опустился на дубовое кресло. Да, он уже был немолод, и его трон рано или поздно отойдет его племяннику, сэру Мордреду – ведь супруга так и не сумела подарить королю наследника. Так зачем же ему идти против Артура?

– Ему не терпится быстрее получить трон, – словно прочитав мысли короля, продолжил шут – Он не любит ждать и хочет насладиться властью, пока молод. Во сне он видит, как собирает вокруг себя рыцарей Круглого стола и повелевает ими. Сэра Персифала он мечтает выслать из Британии, у сэра Мэрилина отобрать его волшебный посох, у сэра Ивейна – его красавицу-жену. Все 12 рыцарей должны будут целовать его руку три раза в день – утром, в обед и перед сном.

– Откуда ты знаешь? – сердито спросил Артур.

– От прислуки. Сэр Мордред болтает во сне. А я...

Шут явно замялся и покраснел. Артур исподлобья взглянул на него и пытливо протянул:

– Что? Ну, смелее...

Шут вновь зашаркал ногой и покраснел еще сильнее, напустив на лицо серьезности.

– Я, ваша милость, хорошо знаком с ночной горничной, которая спит в соседней комнате с Мордредом. Там вылетел кирпич из кладки, и все прекрасно слышно. В этом дворце очень ненадежные стены, ваша милость. (Шут хихикнул и погрозил стене пальцем). И очень холодно, вот и приходится иногда заглядывать к служанке, чтобы погреть ее замерзшие ноги. И послушать, вытачив кирпич из стенки, о чем болтает ее хозяин во сне.

Артур хмыкнул и с любопытством взгляделся в лицо шута. Тот лишь развел руками и виновато потупился.

– И как часто ты бываешь в гостях у этой служанки? – спросил король.

– Примерно раз в две недели, когда наступает ее очередь. Ваше величество, девушки очень любят мой веселый нрав и острый язычок, которым я щекочу им за ушками. А они мне кое-что рассказывают о жизни своих хозяев...

Король поманил его пальцем. Шут вскочил на ноги и проворно подбежал к своему хозяину. Артур вновь схватил его за шиворот и притянул к себе так близко, что их носы чуть не клюнули друг друга.

– Эктор, а ты случайно не болтаешь про меня? Может быть, ты тоже что-нибудь рассказываешь своим подружкам, а они – своим хозяевам? Говори немедленно и честно!

Шут, полупридушенный воротником рубашки, натужно прокряхтел: «Нет». Артур отпустил его и с усмешкой заглянул в глаза.

– А почему я должен тебе верить?

– Потому что я умен. А кто умен – тот честен. Или – он умеет молчать...

Артур задумчиво изучал лицо шута. Он знал его уже двадцать лет, и Эктор всегда был таким, как сейчас – с ущербным, искривленным телом и ясным, прямым умом, прячущимся под личиной бесконечного лукавства и шутовства. Никто из придворных рыцарей не относился к Эктору серьезно, никто не видел в нем здравомыслящего человека – до того плотно приросла к нему маска безнадежного дурака. Никто, кроме Артура. Он понимал, что природа щедро воздала шуту, обменяв внешность на мудрость.

Артур покачал головой и забарабанил пальцами по столу. К сожалению, сведения шута всегда были надежны.

– Эктор, а почему он сочинил такую песню?

Шут пожал плечами и поскреб затылок.

– Он ненавидит сэра Ланселота и надеется повесить его на первом суку. Когда станет королем.

– Это из-за того, что Ланселот не захотел жениться на моей сестре, Фее Моргане?

– Не знаю. Вполне возможно. Я думаю, что сестра вашей милости очень горда и мстительна и не смогла простить рыцарю его холодности. А Мордред, как любящий сын, решил заступиться за свою мать и примерно наказать наглеца.

– Да брось ты! – резко парировал король – Мать и сын едва выносят друг друга. Мордред рожден от ненавистного мужа и похож на него, как две капли воды. С самой колыбели он вызывал отвращение у Феи. Она частенько лупила его розгами за малейшую провинность, и он до сих пор ее побаивается и не любит.

Отношения Мордреда и Феи Морганы не были секретом при дворе короля, и кто-кто, а шут хорошо разбирался во всех интригах и тонкостях. Он всегда был в гуще всех событий и частенько выступал в роли сводни и сплетника. За это рыцари то обещали его побить, то не скучились на щедроты, посыпая его с письмами к своим возлюбленным. Эктор был вхож во все дома и знал больше, чем советник короля! Поэтому такой простенький ответ не устроил Артура, и он пытливо уставился в глаза шута, но тот лишь задумчиво опустил голову. Затем развел руками и вздохнул.

– Ваша милость, я на самом деле не знаю, почему сэр Мордред так ненавидит сэра Ланселота. Возможно, он ему просто завидует. И не может простить тот рыцарский турнир, на котором с таким позором выпал из седла от легкого толчка копьем.

– Но это же было десять лет назад! Я только женился на Гвиневре и устроил большой праздник! Неужели он до сих пор таит на него обиду? Это же так мелко и жалко...

– Ваша милость, – нараспев протянул шут – не всегда рост делает человека высоким. Мордред никогда никому ничего не прощает. Он наделен статью льва и повадками шакала – злопамятного, трусливого, всегда нападающего сзади.

Артур улыбнулся аналогии. Действительно, с самого детства его племянник не отличался храбростью и в любом бою старался спрятаться за чужой спиной. Но при дележе трофеев всегда проскальзывал в первый ряд и жадно заталкивал награбленное добро в свою сумку. Рыцари посмеивались над алчным воином, но делали это тихо. Старались не вызвать гнева Феи Морганы, в чей замок и уплывали все драгоценности. Рыцари знали, что Артур питает милость к своей сестре и не хотели вызвать гнева своего владыки лишними придирками. Поэтому всегда уступали Мордреду.

Но сэр Ланселот, этот надменный красавец и смелый в бою рыцарь, не пожелал уступить на турнире свою Прекрасную Даму! И кому? Самому племяннику короля Артура, достоинственному сэру Мордреду! Поэтому, когда Ланселот преподнес на кончике копья розовый венок той, кому он посвящал этот бой, Мордред, нарушив все правила этикета, вырвал из рук девушки венок. Трибуны ахнули – какая дерзость! Вырвать венок из рук королевы! А между тем Мордред спокойно вручил Гвиневре свой венок и, как ни в чем не бывало, объявил, что посвящает этот бой своей Прекрасной Даме, леди Гвиневре. Все посмотрели на Артура, но тот лишь поднял ладонь, чтобы успокоить публику.

Протрубы горны, и начался бой! Доспехи Ланселота были тяжелы, и лошадь прогибалась под мощным всадником. А сэр Мордред прогибался под тяжестью своих доспехов. Несколько раз рыцари проносились по арене, не нанося ударов, а лишь пугая устрашающими криками. Но наконец-то терпение рыцарей лопнуло, и они помчались навстречу друг другу, стараясь зацепить противника копьем. Первым ударом Ланселот выбил Мордреда из седла. Зрители засмеялись: хорош рыцарь у Прекрасной Дамы! Пока оруженосец помогал раненому в плечо Мордреду подняться на ноги, Ланселот спешился. Опустившись на землю, он вытащив из сумки, прикрученной к седлу, большую красную розу, увитую золотой лентой, и подошел к ложе королевы. Поклонившись, он забрал из ее рук венок сэра Мордреда и выбросил его

на арену. Затем встал перед королевой на колено и протянул ей цветок. Гвиневра улыбнулась, взяла розу и неожиданно громко вскрикнула – острый шип впился в ее ладонь. Она с испугом смотрела на каплю крови, появившуюся из ранки. Сэр Ланселот снял с шеи небольшой платок и приложил его к ранке. Артур почувствовал себя неуютно – это было еще большим нарушением этикета, чем поступок Мордреда. Вассал не имел права притрагиваться к королеве! Молодая супруга короля была бледна, словно из этой ранки капля за каплей просачивалась ее жизнь. Она смотрела на Ланселота так, как никогда не смотрела на него, Артура. Это длилось лишь несколько мгновений, но словно какой-то вихрь крутанулся вокруг этой троицы и на время вырвал их из реальности.

Наконец наваждение прошло. Артур тряхнул головой и увидел, как Ланселот уходит, неся в руке скомканый платочек с кровью королевы. Гвиневра смотрела ему вслед, и ее голубые глаза были наполнены слезами. Король поднялся со своего места и велел зрителям поздравить победителя. Ланселот сделал круг почета и поклонился. Трибуны взорвались радостными криками: «Да здравствует рыцарь Ланселот и его Прекрасная Дама, королева Гвиневра!»

* * *

Артур отвернулся от окна, и отвлечеенное воспоминание рассеялось. Странно, он давно женат на Гвиневре, но так и не понял ее до конца. Любит ли он ее? Да. Еще сильнее и болезненнее, чем раньше. Но почему тогда сквозь пальцы смотрит на ее дружбу с Ланселотом? Потому, что любит.

Артур до боли сжал сцепленные пальцы и уткнулся лбом в мозаику. Как король, он должен примерно наказать распутников. Народ требует судилища! Иначе они не успокоятся. Только – какой толк? После того злополучного турнира он выгнал Ланселота из города. Рыцарь вернулся к себе в поместье, благополучно женился, и его жена родила ему сына. И что? Недавно Ланселот со своей супругой приехали в Камелот! И рыцарь вновь влюбился в королеву. Или – королева в рыцаря? А что делать теперь ему, Артуру, чтобы не быть посмешищем в своем собственном королевстве? Наверное, придется уйти на войну или отправиться на поиски Грааля? Пусть время расставит все на свои места в его отсутствие? Нет, от себя не уйдешь. Как он от этого устал. Он никогда не был ревнивым, но сейчас у него тоскливо сжимается сердце, когда он видит, как Гвиневра смотрит на Ланселота. Почему она никогда так не смотрит на него, Артура?

Король тяжело вздохнул и повернулся к Эктору. Шут был единственным человеком, в котором Артур чувствовал родственную душу и кому он мог доверять. Эктор полулежал на троне, свесив свои недоразвитые ноги с подлокотника. Он опять что-то напевал себе под нос. Артур поморщился и постарался отвлечься от мрачных дум, в клочья разрывающих его душу:

– Что ты там опять поешь? Очередную гадость, мерзкий сплетник?!

Получилось не зло, поэтому шут лишь поморщился и заметил довольно ядовито:

– Так почему же ваша милость не подвесит меня на кончик копья и не прибьет за шиворот на главные ворота города? Сэр Мордред неоднократно обещал это сделать.

Артур хмыкнул и сел рядом с шутом на дубовый стул.

– Эктор, спой мне какую-нибудь балладу, они у тебя хорошо получаются.

– Тогда пусть ваша милость подаст мне лютню.

– Ты негодяй! – вскипал Артур.

– Я знаю, на этом месте многие становятся негодяями.

– И я? – опешил король.

– Нет, – серьезно ответил шут.

– Ты мне льстишь?

– Зачем? Король Артур может сделать меня здоровым и сильным?

– Нет, это не в моих силах, – со вздохом произнес Артур.

– Тогда зачем мне тебе льстить? Ради богатства – оно мне не поможет. Ради славы – она мне не нужна. Ради спасения жизни – я за нее не боюсь. Может, многие служанки будут плакать, когда меня будут поджаривать на адской сковородке. Или я попаду в рай? Как думает ваша милость?

Артур пожал плечами и помотал головой: я не знаю. Затем поднялся и подал шуту лютню.

– Держи. Может, хоть это я могу для тебя сделать. Не каждый день короли подают шутам лютни.

Шут расплылся в довольной улыбке и заиграл. Его голос был немного дребезжащим, но приятным, словно перебирали струны не только на лютне, но и в душе. Он смотрел мимо Артура и пел речитативом:

– Есть древняя сказка у кельтских племен,
Пришла она к нам из чудесных времен.
О том, как был рыцарь пленен красотой
Кудесницы милой с златой головой.

Красавица лишь поводила плечом,
Не мог ее взять ни огнем, ни мечом.
Она не любила, тоскуя о том,
Кто был похоронен под чахлым кустом.

Не выдержал рыцарь, пошел на обман:
Волшебнику выкуп огромный был дан
И ночью безлунной пред девушкой той
Встал рыцарь печальный. И был он – живой!

Счастливая девушка к рыцарю льнет.
Вдруг слышит – под окнами кто-то идет.
Вот стукнул, еще раз – сильней и сильней.
Трещат уже ставни. Девица – бледней.

И встал перед ними, весь грязный, в земле.
Скелет исхудавший, в истлевшем тряпье.
Он тянет к ней руки с последней мольбой:
Забрать её, видно, он хочет с собой.

И девушка смело к скелету идет
И мертвому руки на плечи кладет...
Хоть стыла в смертельных объятьях она,
Но счастлива в жизни впервые была.

Артур раскачивался в такт песне, закрыв глаза. Когда Эктор замолчал, король взглянул на него и спросил:

– Какие-то ты сегодня выбираешь песни странные. Одну слушать противно, а другую страшно. Ты случайно не болен?

Шут печально улыбнулся и пожал плечами:

– Да, ваша милость. Давно и безнадежно.

Артур озадаченно посмотрел на своего любимца. Сколько ему лет? Тридцать или пятьдесят? Он выглядел так всегда, с тех самых пор, как Артур, еще не будучи королем, разогнал мальчишек, бросающих в Эктора камни на городском рынке. Это было любимое развлечение бедноты – издеваться над теми, кто слабее или ущербнее их самих. Артур пожалел уродца и сделал его своим шутом. В благодарность за это Эктор частенько развеивал тоску короля метким словцом. И теперь у Артура сжалось сердце от мысли, что его шут не на шутку болен.

– Что с тобой? – озадаченно спросил он.

– О, ваша милость. От этой болезни нет лекарства! Ибо называется она – любовь.

– Тьфу ты! – сердито пробормотал Артур – Я думал, что серьезное, а ты опять со своими шуточками.

Но Эктор сидел, уныло свесив голову, и из глаз его капали слезы. Король рассмеялся и потрепал шута за колпак.

– И в кого же влюблен наш доблестный рыцарь?

Шут махнул рукой и громко вздохнул.

– Ваша милость будет надо мною смеяться…

– Да ладно уж, говори… – покровительственно изрек король. – Может нам удастся уговорить строптивицу.

Шут опять затряс головой. И горячо заговорил:

– Не надо. Куда мне до нее. Она красивая, толстая, румяная! Смотреть на нее со стороны – сплошное удовольствие. У нее белые плечи и широкие бедра, а свои кудрявые волосы она прячет под чепчик перед тем, как начать печь хлеб на королевской кухне.

Артур откинулся на кресло и расхохотался:

– Анетта! Ай да, Эктор, ай да удалец! Положил глаз на толстуху Анетту! Да она же одна занимает всю кровать, хоть вдоль ее положи, хоть поперек! Ха-ха-ха! И еще она глупа, как курица…

Эктор так глянул на короля, что тот осекся и перестал смеяться. Поднял пальцами подбородок шута и спросил:

– Ты к ней сватался?

– Нет, я даже боюсь об этом думать. Она такая… такая… В общем, у меня замирает сердце, когда я ее вижу. И я не могу думать ни о какой другой девушке в нашем городе. Мои подружки даже сердятся, когда я, грея им ножки, называю их случайно ее именем. Пусть ваша милость и не думает, что я не полноценный мужчина. Можете учинить допрос у любой из служанок, и они подтвердят мои недюжинные способности!

Артур подавился смешком, но спрятал улыбку в уголках глаз. Зная непомерную склонность людей к преувеличению своих достоинств, он лишь хмыкнул. Но Эктор клятвенно сложил руки на груди и произнес торжественно:

– Клянусь, что это чистая правда!

Король изобразил серьезность, хотя это далось ему с большим трудом. Проказник Эктор сумел-таки сделать одновременно несколько дел: рассказать королю, что о нем болтают, заставил взгрустнуть над песней и повеселиться над шутовской жизнью. Артур похлопал его по плечу и изрек:

– Решено, сватаем тебе Анетту! У шута есть огромная привилегия перед королем – ты можешь жениться на любимой девушке, если она тебе не откажет. Но я думаю, она согласится! Я помогу тебе уговорить счастливицу.

Шут просиял так, что лицо его стало нежно-розовым, как у молодой девушки.

– Ваша милость! (Шут выпал из трона и вытянулся перед королем). Я никогда не забуду этого радостного дня! Только расскажите ей обо мне много хорошего, чтобы она почувствовала себя королевой.

Артур тряхнул волосами и пригрозил пальцем.

– Ну, ты и наглец! Смотри, а то она мне понравится, и я на самом деле сделаю ее королевой.

Эктор посмотрел на него исподлобья и неожиданно заговорил гнусавым голосом:

– Ваша милость, а меня куда? Я не хочу в монастырь! А у Ланселота есть жена, и он не собирается с ней разводиться. Я насыплю побольше белил на лицо, намажу щеки свеклой и стану красивее вашей кухарки!

Король засмеялся и решил подыграть шуту:

– А вы, милейшая супруга, должны тихо вязать чулки в своей комнате и не менять от скуки взыхателей! А если вам что-то не нравится, то вы можете катиться в свои шотландские болота, к своей мамочке.

Шут не остался в долгу:

– Ах, так! Тогда я заберу подаренный вам моей мамочкой дубовый стол, за которым усаживаются, гремя доспехами, ваши рыцари!

Артур сделал вид, что рассвирепел не на шутку и стукнул по столу рукой:

– Я лучше разрублю его на дрова для камина, чем он достанется тебе.

Шут сделал неуклюжий реверанс:

– Я лучше в болото, чем в монастырь.

– То-то же!

Король расхохотался и велел шуту отправлять гонца в дом к Аннетте. Ему очень не терпелось посмотреть на избранницу его любимца.

* * *

– Мэри, ты слышала новость? Аннетта выходит замуж за королевского шута!

На лице толстой Элейн читалась нескрываемая зависть.

– Надо же, скоро и рыцари начнут брать простолюдинок в жены! – сердито ответила ее соседка, Тощая Мэри и поправила фартук на дряблом животе. – Чему радоваться? Да мой муж в детстве бросал в этого урода камни на рынке. А теперь смотри, каким важным человеком стал шут – сам король уговаривал Аннетту стать женой его колченого любимца. Тьфу!

Тощая Мэри сердито застучала пестиком в ступке, дробя ячмень для пива. На ее изрытом осинами лице проступали жилки, делая его еще более неприятным. Соседка стояла, упервшись толстыми руками в выпирающие бока, и продолжала докладывать свежие сплетни.

– Говорят, что на их свадьбе будут играть королевские музыканты. А Аннетте сшили платье из золотой парчи!

Долговязая еще яростнее замолотила в ступке. Элейн не унималась.

– Мой муж шьет сапоги для рыцарей. И он слышал, как один из них рассказывал, что молодоженов повезут в красивой карете в новый дом, который королевский шут подарил родителям Аннетты.

Хозяйка со стуком швырнула пестик на стол и еще туже затянула платок на голове. Затем утерла худой рукой потный лоб и ослабилась, обнажив подгнившие зубы:

– Да, повезло нашей Аннетте! Жить в новом доме, кататься как сыр в масле, ходить в парче. Небольшая плата за то, чтобы жить с королевским уродцем. Да я бы за такого даже за два бархатных платья не согласилась выйти замуж! Лучше уж жить с красавцем, таким, как мой Рик, чем с шутом.

Элейн потупилась и промолчала. Красавец Рик дня не ходил трезвым, и былая прелесть давным-давно сошла с его лица, уступив место отекам под водянистыми глазами. А ведь в молодости он действительно был ангельски красив, и сама Элейн много плакала о нем ночами. Но ее суровый отец рассудил по-своему и выдал замуж за сапожника – лысого и немолодого, у которого всегда водились денежки. Быть женой толстяка-сапожника оказалось не так уже и

плохо, как казалось вначале, и Элейн, высушив слезы, стала во всем угодовать мужу. Вскоре у нее появились красивые платья и бусы, и она стала считаться самой счастливой из всех женщин их улицы. А самое главное – ее муж не любил пить пиво и никогда не поднимал руку на свою жену или детей. Красавчик Рик тоже женился. Но, в отличие от Элейн, ее соседка частенько ходила в синяках – любимый муженек регулярно ее поколачивал, обвиняя в неумении вести хозяйство. Но жена продолжала его расхваливать при соседках, вызывая у тех потаенные усмешки. И сейчас Элейн едва успела спрятать ухмылку, прикрывши рот рукой: у жены Рика был вспыльчивый характер, и она могла вытолкать взашей любую, кто плохо отзовется о ее супруге. Так же не везло и тем, кто заглядывался на красивого статного мужчину на дороге. Чересчур глазастая девушка могла лишиться клока волос и быть опозоренной на всю улицу криками склонной супруги. Рику нравилась такая ревность, он гордо выпячивал грудь и ходил гоголем перед своими дружками. Но теперь Мэри некому было рвать волосы и незачем вопить – обрюзгший одутловатый плотник не вызывал у женщин бывшего восхищения.

Поэтому соседка и стала входа в дом, дорога в который раньше была заказана. Жена сапожника с удовольствием наблюдала, как опускался все ниже предмет ее девичьих грез, и это вызывало у нее сладкие мстительные чувства. Да и полюбоваться на жену Рика, которая от желчности высохла, как кость, было не менее приятно. Элейн искренне радовалась и в душе благодарила мудрого отца, который сосватал ей достойного жениха. И не допускала мысли, что на ее улице кто-то мог жить лучше, чем она – жена сапожника. А тут такая новость! Толстуха Анетта станет богаче жены сапожника! Эта мысль жалила Элейн, как пчела, и гнала от двора ко двору. Толстухе необходимо было поделиться новостью, которая, переступая через новый порог, обрастила невероятными домыслами.

– Я слышала, что Анетта запекла в хлеб приворотное зелье. Она хотела приворожить рыцаря, но шуту дали корочку хлеба, чтобы проверить, не отправлен ли, вот шут и влюбился в кухарку!

Такую новость Элейн рассказывала своей тощей соседке. Та лишь недоверчиво хмыкнула – разве кухарка может приворожить рыцаря? Тогда бы все женились на прислуге. А так они ищут себе этих, как их там... Прекрасных Дам! Соседка взглянула на Элейн, но та лишь еще шире раскрыла глаза и зачастила:

– Да, да, милая соседка! Не всем же достаются такие красавицы, как твой Рик!

Тощая, ища подвоха, сощурилась. Но жена сапожника словно не замечала.

– Я слышала, что она хотела приворожить сэра Ланселота, но он боится, что его отправят на тот свет, и поэтому угостил хлебом королевского шута! И получилось, что уродец влюбился в Анетту!

– А почему этот Ланселот боится, что его отправят на тот свет? – с явным интересом спросила сварливая Мэри.

– Как! Ты не знаешь? Неужели твой муженек, напившись пива, не распевает песенку, которую сейчас поет весь Камелот? Или он умеет только драться? – голос толстухи стал сладким и заботливым.

Мэри насупилась и вновь взялась за ступку, показывая, что разговор окончен. Толстая Элейн, поняв, что ее могут выставить за порог, сразу зачастила:

– Мой муж неоднократно рассказывал мне, что жена короля Артура наставляет рога своему супругу с сэром Ланселотом! Совсем недавно кто-то отравил одного из рыцарей, положив на его поднос пропитанное ядом яблоко. И теперь сэр Ланселот боится, что доберутся и до него. А всесильный король, вместо того, чтобы расправиться с обоими, устраивает жизнь своего шута, Словно не замечая, что его собственная – трещит по всем швам!

Занинтересованная рассказом, Мэри оперлась на стол и с интересом спросила:

– И он уговорил Анетту выйти замуж за своего шута?

Соседка перевела дух и продолжила, размахивая руками:

– Да она с перепугу, когда услышала, что ее пригласили к королю, ревела на всю кухню! Она подумала, что ведут на допрос – ведь того, кто отравил рыцаря, так и не нашли. А королева клялась и божилась, что она тут не причем.

– А причем тут королева?

– Да этот рыцарь при короле обвинил ее и Ланселота в измене! Как радовался королевский племянник, ты бы знала! Он думал, что королеву приговорят к смерти, но ей опять все сошло с рук.

– А зачем он хочет ее смерти-то? – не поняла Мэри, явно запутавшись в сбивчивом рассказе соседки – Ему какой резон в смерти королевы?

– Да никакого! Он ее сам любит, но она никогда не отвечала ему взаимностью. А помнишь, мы были еще девушками, как Ланселот сбил его копьем с лошади – во время турнира? Вот с тех самых пор они и ненавидят друг друга.

Мэри отломила кусок ячменной лепешки, лежащей в тарелке с отколотым краем, и задумчиво пробормотала:

– И откуда ты все знаешь…

Толстуха Элейн засмеялась, колыхнув животом:

– Это я все знаю от человека, который близок ко двору.

– От мужа, что ли? Пока он обмеряет потные ноги рыцарей? – ехидно хмыкнула Мэри и, едва не подавившись куском, закашлялась. Элейн постучала ей по спине, намереваясь продолжить мыть кости Аннетте, чья судьба ее волновала гораздо больше, чем участь королевской четы. Поэтому она пропустила укор в адрес мужа.

– Конечно, от него! Представляешь, милая Мэри, король лично велел подготовить для молодоженов праздничный стол, и уже сегодня будут резать быков, чтобы накормить приглашенных рыцарей. Представляешь, эта дурнушка Анетта будет сидеть среди облаченных в доспехи рыцарей и ронять от страха куски на свое парчовое платье.

– А разве на свадьбу рыцари придут в доспехах?

– А как же! – возмущенно продолжила Элейн – Ведь они даже в них спят! И своим женам железные пояса одевают, когда на войну уходят. Чтобы они с другими мужчинами не могли встречаться, пока рыцарей нет дома. А если жена им надоедает, то они на этом железном поясе замок не открывают, говорят, что ключ потеряли.

Мэри с любопытством уставилась на глуповатую болтливую соседку и поскребла в затылке:

– Ну и ну!

– Аннетте тоже потом такой пояс скуют, чтобы она своему шуту с рыцарями не изменяла.

– Ух, ты! – с деланным сочувствием произнесла Мэри, – бедная кухарка…

– А самого шута на свадьбу тоже облачат в доспехи, так что он даже не сможет встать с места. И Аннетте придется нести его на руках на брачное ложе.

– Ну и дела! – запрокинув голову, громко захохотала Мэри, и ее тощий живот мелко затрясся под фартуком. – Наша Анетта потащит на себе рыцаря. В ней самой шесть пудов, как и в тебе – еще и его волочь на спине!

Элейн подобрала толстые губы и сердито посмотрела на Мэри.

– Мужчины любят мягкое большое тело, об него хорошо греться в постели. И вдобавок об него не колешься, как о сухую палку!

– Зато от толстух всегда воняет потом! – немедленно разъярилась Мэри и двинулась на обидчицу. – Ишь, пришла здесь, стоит, как бочонок, заняла полкомнаты. Иззавидовалась чужой стройности. Да на мое платье ткани уходит в два раза меньше, чем на твой жир!

– Да на что тебе платье купить! Голодранцы, только и умеете – пиво варить, а в доме одни лепешки на столе. Ходишь в обносках, потому и худая, как щепка! Это ты мне завидуешь,

потому что на меня смотреть приятно, а трогать – еще лучше. А у тебя одна кость, собакам на горе!

Мэри замахнулась на обидчицу пестиком:

– Вон отсюда! Пришла, квохчет, как курица. Анетта то, Анетта се! Завидуешь, что кто-то лучше тебя будет жить. Сама готова была бы бегом за шутом бежать, если бы тебя пальцем поманили.

– Все лучше, чем с твоим бездельником жить!

Элейн выскочила за порог, а довольная наконец-то разразившимся скандалом соседка завопила на всю улицу:

– А ну, марш из моего дома! Ходит тут, чужое счастье высматривает! Про короля всякие гадости болтает. Ишь, какая умная нашлась, чтобы лезть в чужую жизнь. Без тебя не разберутся, кому на ком жениться и кому с кем любовь крутить. Сама спит и видит, как бы с моим Риком на сеновал залезть. Вот попрошу кузнеца, чтобы выковал железный пояс, а муж тебе его на день одевал и на ночь не снимал, чтобы не шастала по чужим мужикам!

Изрядно перепуганная, Элейн бегом бежала от дома своей обидчицы. Остановившись в конце улицы, она все еще слышала, как Тощая Мэри выкрикивала в ее адрес проклятия и угрозы. Элейн, слегка отдохнула, одернула юбку и постучалась в новую дверь, чтобы рассказать соседке свежую новость о бедной кухарке.

* * *

На голове Анетты всеми цветами радуги сверкал гребень, искусно украшенный дорогими камнями. Это был самый недорогой из всех подарков счастливого, влюбленного до беспамятства шута. Массивный серебряный браслет украшал ее широкое запястье и придавал плавности движениям руки. Он был настолько красив, что Анетта боялась вымазать его тестом и всегда убирала за пазуху, когда замешивала хлеб. Ее скромный гардероб пополнился красивыми платьями и кожаными ботиночками, любезно обтянувшими ее толстые лодыжки. Родители кухарки получили несколько телег отборного теса для строительства нового дома. Артур любил своего шута и решил сделать его невесте поистине королевский подарок. И еще он очень хотел развлечься.

За ту неделю, что шла подготовка к грядущей свадьбе, Эктор даже немного помолодел и просветел лицом. По его заказу сапожник (муж толстухи Элейн!) сшил сапоги с самыми высокими каблуками, которые только могли быть у мужчины. На них шут выглядел немного выше своего роста и мог губами дотянуться до крепкого плеча невесты. Лучший портной Камелота сшил ему праздничный наряд – красный бархатный камзол с множеством серебряных пуговиц и потайных швов, умело маскирующих недостатки фигуры. Штаны были немного шире положенного, но если бы их пришлось шить правильно, то они бы подчеркнули кривые ноги Эктора. Подмастерья портного смастерили специальный колпак, очень высокий и украшенный колокольчиками вдоль полей. Это сделало шута еще выше. Цирюльник уже несколько раз начесывал его волосы в разные стороны, примериваясь – сделают ли кудри более симпатичным морщинистое лицо шута?

Для Анетты тоже шили свадебный наряд. Несколько десятков метров дорогой парчи, привезенной рыцарями из очередного похода, ушли на ее платье. Пышные плечи невесты должна была украсить накидка из меха лисы, изловленной по приказу короля в его лесу. Но было лето, и облинявшая шкура казалась облезлой, поэтому решили заменить ее дамасской шалью.

Еще неделю назад Анетта и не могла мечтать о таком счастье, неожиданно свалившемся на ее круглые плечи. Когда ее позвали к Артуру, она едва не умерла от страха. Она никогда не видела короля близко, поэтому не ждала ничего хорошего от этой встречи.

Артур, впервые увидев избранницу своего любимца, едва не расхохотался – до того несусразной ему показалась Анетта на фоне маленького Эктора. Напуганная кухарка так тряслась на своих смотринах, что едва сумела выговорить свое имя. И когда король спросил, согласна ли она выйти замуж за Эктора, девушка закивала головой – она была готова на что угодно, лишь бы ее быстрее отпустили. Тем более, она совсем недавно работала на кухне и не знала имени шута. Но стоило королю указать на спешащего к ней Эктора, Анетта едва не лишилась чувств: это был маленький горбун! Девушка так громко ойкнула от страха, что тот нерешительно остановился на месте. Но король сурохо посмотрел на кухарку, и она молча протянула шуту руку в знак своего согласия.

Сидящая рядом с троном Гвиневра едва не расплакалась. Она не любила шута, и их чувства были взаимными. Ей стало очень жалко девушку, чья судьба стала игрушкой королевской прихоти. Но Анетта была невероятно богата телесами, а ее родители настолько бедны, что надеяться на хорошего жениха не приходилось. Тем более, ей уже двадцать три, и она считается старой девой. Но выйти замуж за уродца – это тоже не подарок.

Гвиневра взглянула на мужа вопросительно, но у того лишь заиграла скулы.

– Анетта, подойди сюда, не бойся! Эктор – мой любимый слуга, можно сказать, что это единственный по-настоящему хороший и честный человек в моем государстве.

(У Гвиневры от обиды в горле комом стояли слезы, проглотить которые она не могла).

– Ты хорошая кухарка, – продолжил ласково король. – Ты большая и добрая женщина. Уже не настолько юна, чтобы не понимать, что такое счастье выпадает один раз в жизни, правда?

Анетта безвольно качнула головой, не смея смотреть ни на шута, ни на короля.

– Поверь мне, любая страсть со временем погаснет, и на смену ей должно прийти доверие и уважение. А уважать Эктора есть за что – у него очень добрая душа и честное сердце. Он будет любить тебя так, как никто никогда тебя не полюбит. Ты будешь окружена поистине королевской заботой, и я назначу тебя главной кухаркой.

На сей раз Анетта встрепенулась, и на ее лице мелькнуло подобие улыбки. Король воспользовался моментом и продолжил:

– Многие служанки мечтали, что Эктор женится на ком-нибудь из них. Можешь попробовать у них сама, он очень приятный во всех смыслах мужчина. Но он выбрал тебя, и теперь многие из них оболются слезами, услышав такую новость.

Артур понял, что Анетта почти сдавалась. На ее лице заиграла тщеславная усмешка, и она стала бросать на Эктора любопытные взгляды. Да уж, права людская молва: Анетта была откровенно глупа, и убедить ее оказалось довольно легко. Только – что умница Эктор будет делать с ее дремучестью? Король усмехнулся и продолжил наступление.

– Ты будешь хорошо кушать и спать на мягкой перине. Тебя никто не посмеет обижать и у тебя всегда будут нарядные платья, комната с камином и красивый балдахин над кроватью. А по праздничным дням ты на повозке будешь приезжать к своим родителям и все, кто тебя раньше обижал, будут кланяться тебе…

Это было последней каплей. Анетта едва не расплакалась от внезапно нахлынувшего на нее предчувствия счастья. Артур быстро встал со своего трона и подошел к молодым.

– Ты согласна?

– Да, – пролепетала Анетта. Она впервые видела короля Артура так близко и была очень напугана тем, насколько он высок и грозен. – Я согласна.

– Ну, хорошо. Через неделю – свадьба. А пока – погуляйте по дворцу, разрешаю. Эктор, проводи невесту за дверь и задержись немножко у меня.

Шут послушно кивнул, подхватил Анетту под локоть (повиснув на нем), и они вышли. Через несколько мгновений дверь опять растворилась, и шут подошел к королю. Тот потрепал его по щеке.

– Ну что, маленький негодяй, ты рад тому, что она сдалась?

– Конечно, ваша милость, не каждый же день кухарок сватают по-королевски.

– Дожили! Король в роли сводни...

– Ваша милость, иначе она бы не согласилась. Даже при ее глупости.

Артур внимательно посмотрел на шута и задумчиво забарабанил пальцами по столу.

– Эктор, а может, ты все же передумаешь? Она тебе не чета – она глупа, как эта столешница. Тебе же скоро станет с ней скучно.

– А с умной мне станет страшно еще скорее. Аннетта будет хорошей женой. Она похожа на добрую корову, которую нужно гладить по холке, и тогда она не будет бодаться.

– Только береги ее от других быков...

– Нужно держать ее в стойле и заставлять рожать каждый год. Тогда у нее не будет времени думать о других.

Король усмехнулся и вскользь посмотрел на бездетную супругу. Та побледнела и бросила ненавидящий взгляд на шута. Артур кивнул головой:

– Иди, Эктор, пока невеста не передумала и не сбежала с рыцарем.

Шут поклонился и пошел показывать Аннетте королевский дворец, одна комната в котором теперь по праву принадлежала ей.

* * *

– Артур...

– Что, Гвиневра?

– А если она будет рожать уродов, таких же, как и твой шут?

Артур покачал головой и задумчиво вздохнул:

– Тут одно из двух: или она будет рожать глупых здоровяков-булочников, или умных тщедушных шутов. Или, что тоже не исключено, умных красавцев. По крайней мере, у нее есть шанс.

– А если она будет рожать уродливых глупцов?

Король нахмурился и засвистел себе под нос песенку. Затем исподлобья взглянул на Гвиневру и спросил:

– Что заставляет быть тебя такой злой?

– Жалость к бедной девушке, – ответила супруга.

– Пожалей лучше себя. Про твою связь с Ланселотом уже распеваю скабрезную песню. Она эхом раздается в каждом углу моего дворца и передается из уст в уста. За моей спиной все чаще слышатся смешки: люди потешаются над моей участью. Пусть хоть Эктор будет немного счастливее, чем его повелитель.

– И ради этого ты приносишь в жертву ни в чем не повинную кухарку? Артур, ты с годами становишься жестоким.

– Ты не права, Гвиневра. Аннетта полюбит шута за то, что окружающие будут ей завидовать. Она глупа, жалостлива и тщеславна. Ей будет легко полюбить Эктора за то, что он мой друг.

Гвиневра покраснела и выдохнула:

– Раньше бы ты так не поступил.

– Дорогая моя супруга, – жестко произнес король, – раньше все было другим. Я был моложе, и в моих жилах текла горячая кровь. А теперь я почти старик и стараюсь не делать глупых ошибок.

Артур достал из ножен кинжал и провел по его лезвию пальцем. Затем подцепил острием торчащую из вазы красивую розу, подбросил и рассек на две части. Соцветие упало на платье королевы, напомнив своим видом отрубленную голову. Гвиневра отпрянула и смахнула цветок

на пол. Артур резко вогнал кинжал в ножны, откинулся на кресло и заложил руки под голову. На его лицо легла легкая тень улыбки, но глаза оставались серьезными. Недолго поизучав Гвиневру задумчивым взглядом, от которого у нее пробежал холодок по спине, Артур отвернулся к окну и спокойно заговорил:

– Гвиневра, хочешь я расскажу тебе историю? О том, как десять лет назад один король выгнал удачливого рыцаря из своего города. Но королева не смогла забыть печального юношу – ведь он подарил ей красивую розу! Потом, во время других турниров, королеву еще не раз выбирали Прекрасной Дамой и надевали на ее голову венок. Но она помнила именно того, кто первый раз в жизни встал перед ней на колено и сжал руку в своих ладонях. Она думала о нем все годы, рисуя в своей восторженной душе красивую сказку. Ведь королева была слишком впечатлительна, и ей было мало преданности своего мужа. Ей стало скучно во дворце, и она часто уходила на луг, усыпанный чудесными цветами. Там она мечтала о неземной любви, которой ей не мог дать ни один человек в королевстве. Никто, кроме сэра Ланселота.

Гвиневра резко выпрямилась в кресле и бросила в сторону Артура умоляющий взгляд и он обернулся к жене:

– Как ты думаешь, через сто лет женские сердца будут сжиматься от радости за прекрасную Гвиневру, которую отважный рыцарь Ланселот похитил у старого короля Артура? Об их любви будут сочинять романтичные баллады? Петь печальные песни? Может быть. Или людская память сохранит совсем другую историю – о том, как королева и ее любовник предали и сделали несчастным человека, который был честен со своими друзьями? Который любил свою жену всем сердцем и ради нее уходил на войну? Перед боем он всегда целовал ее портрет в медальоне. Он назвал ее именем звезду, которая указывала дорогу на Камелот. С мыслями о любимой он сразил всех врагов и вернулся домой победителем. Зачем? Чтобы узнать об измене королевы со своим рыцарем!? Какая глупая история, правда?

Артур болезненно поморщился и приложил руку к груди. С тех пор как люди стали трепать имя королевы, он все чаще прижал руку к сердцу и бледнел. И сейчас на его лбу выступили крупные бисеринки пота. Гвиневра хотела дотронуться до его руки, он Артур отвел ее ладонь и отрицательно качнул головой.

– Не надо, Гвиневра. Мне не настолько больно, насколько тебе хотелось бы. Ведь в моей груди стучит бесчувственный булыжник, который не имеет ни жалости, ни любви, ни сострадания. А камень не может болеть, он может только раскалываться. В моей душе смертельный холод, вот по нему и побежала маленькая трещинка. Гвиневра, ты свободна делать что угодно, но только не позорь меня и себя перед людьми. Уезжай с Ланселотом, если хочешь. Он не любит свою жену, может быть, он будет любить по-настоящему хотя бы тебя.

Гвиневра упала перед королем на колени и заплакала:

– Артур, пожалуйста, послушай меня! Пожалуйста! Я никогда не любила никого так сильно, как тебя! Это правда, поверь мне. Я всегда была тебе верна. Я никогда не изменяла тебе ни с кем, даже в своих мыслях. Поверь мне, Артур! Я умоляю тебя...

Король усмехнулся.

– Гвиневра, не плачь. Я верю тебе. Ты еще слишком молода и впечатлительна. Тебя легко обмануть, и ты легко обманываешь сама себя. Иди в свою комнату, я хочу побыть один. Мне нужно о многом поразмыслить. После свадьбы шутя я вновь отправляюсь на поиски Грааля. Поэтому мне нужно все обдумать.

Гвиневра встала с колен и утерла слезы. Затем тяжело опустилась на дубовый стул и вздохнула:

– Мордред готовит заговор против тебя.

Неожиданно Артур вспылил:

– Кого ни послушай – все готовят заговор: королева, Ланселот, Мордред! Рыцаря отравили за обеденным столом в моем дворце и до сих пор не нашли виновного! Может быть, зав-

тра ядовитое яблоко поднесут и мне, и я не уверен, что это не будет тот человек, которому я доверял больше всех!

Гвиневра громко всхлипнула. Артур бросил на нее тяжелый взгляд, и лицо его напомнило очертаниями хищную птицу.

— Я кому-нибудь могу доверять в своем дворце? Остался хоть один человек, кроме моего шута, который может мне смотреть в глаза прямо? Который не изменяет мне за моей спиной?

Король остыл так же неожиданно, как и вспыхнул. Он сжал голову руками и спокойно проговорил:

— Гвиневра, я очень устал от всего этого. Я просто хочу на время уехать.

Затем подошел к двери и распахнул ее:

— Уходи, Гвиневра.

Королева опустила голову и прошла рядом с ним, глядя в пол. На Артура пахнуло приятным ароматом ее тела — медовым и пряным, давно забытым. Вновь кольнуло сердце и захотелось заплакать. Но король сдержался и с размаху захлопнул окованную железом дверь.

* * *

Только отыграли свадьбу, как у шута началась новая, непривычная для него жизнь. Анетта смотрела на своего мужа такими глупо-преданными глазами, что он не мог понять — правда ли ей хорошо или она играет. Но супруга на самом деле была очень довольна своим положением и старалась во всем угодить своему маленькому хозяину. После того, как шут провел ее по дворцу, она перестала его бояться, и здоровая деревенская голова подсказала кухарке, что это не просто муж, а подарок судьбы. А когда все рыцари пришли на их свадьбу и вручили хорошие подарки, Анетта почувствовала себя на седьмом небе от счастья.

Освоившись в комнате мужа, толстая шутиха стала требовать постоянного внимания к своей персоне. Несколько раз в день чрезмерно болтливая женщина докладывала шуту, как ей понравилось ездить по улицам на свадебной карете. И о том, какие завистливые глаза у кухарок на кухне, на которой она теперь старшая. И о том, что ей хотелось бы много-много детей. А у родителей в деревне скоро родится новый теленок, а вчера сосед побил свою жену за то, что она выпила пива. И о том, какой он у нее важный и хороший. Она болтала без умолку, и глаза шута становились все удивленнее. Он не думал, что человек может так быстро и много говорить ни о чем. За время их медового месяца он услышал гораздо больше, чем за несколько лет своей жизни рядом с королем.

Каждое утро Анетта надевала свадебное платье и снова и снова вертелась перед начищенным до зеркального блеска куском меди, рассматривая свое расплывчатое отражение. Она постоянно просила Эктора рассказать ей, как их поздравил король. И правда ли королю понравилась их свадьба, ведь он так весело хохотал, напившись пива. Несколько раз в день она заходила в их спальню, проверить — достаточно ли ровно висят кисти над кроватью и не помялась ли красивая накидка. Кроме всего прочего, Анетта обладала недюжинным аппетитом крестьянки, и шут представлял, как через пару лет они не поместятся вдвоем в одной постели.

Но ночью недоразумений между ними не возникало. Анетта слишком долго мечтала о замужестве и теперь словно отыгрывалась за годы одиночества и обид. Совершенно обессиленный от горячих ласк, утром шут едва дотаскивал ноги до зала, где его ждал король. Глядя на своего любимчика, тот прятал улыбку в усах и ни о чем не спрашивал — все и так было написано на заспанном лице.

Бывшие, теперь уже забытые подружки, на которых не хватало ни времени, ни сил, посмеивались над шутом, ронявшим сонную голову на стол. Но Анетта так прикрикивала на них, что они быстро проглатывали свои шуточки. На кухне шутиха быстро завела строгие порядки и заставляла до блеска натирать уже начищенную посуду и каждый день стирать фартуки.

Кухарки сначала возроптали, но жаловаться было некому, и они решили не связываться со своей сердитой новой хозяйкой.

И ни дай Бог кому-нибудь из них случалось грубо отзваться об Экторе! Глаза супруги наливались мрачной свинцовостью, руки упирались в толстые бока, и она *так* смотрела на обидчицу, что той хотелось провалиться сквозь землю. Шут улыбался и поглаживал супругу по крепкой спине, протягивая ей кусочек сладкой карамели, перед которым она не могла устоять и сразу успокаивалась.

В общем, Аннетта действительно была довольна судьбой, собой и своим маленьким, но очень важным при дворе короля Артура мужем. Теперь она была не той дурнушкой, которую не взяли замуж в своей деревне. Она стала гордостью своей семьи, ее кормилицей. Старшая кухарка знала, что многие деревенские красавицы теперь кусают локти и завидуют ей. Думая об этом, Аннетта всегда искала глазами Эктора и тепло ему улыбалась. Шут расцветал и становился прекрасным рыцарем, готовым для своей Прекрасной Дамы на самые отважные поступки. В его глазах она была не толстой глуповатой кухаркой, а писаной красавицей, перед которой тоже можно встать на колено, чтобы протянуть ей венок на кончике копья.

* * *

– Сэр Ланселот чуть не украл королевскую жену! Он едва не увел ее из спальни, где их и застукали на месте разврата! А еще он убил племянника короля.

– Мордреда? Так ему и надо! Давно надо было вытрясти из шкуры его подлую душонку.

– Нет, другого племянника, Гахириса. И заодно Ланселот убил своего лучшего друга, сэра Гарета…

Элейн одышливо колыхалась всем телом, докладывая свежую новость Тощей Мери. В добroе время она бы к ней и не пошла, но в других домах она уже побывала, и этот оставался последним, куда сегодня не ступала ее толстая нога. А известия были настолько важными, что Элейн посчитала своим долгом постучаться и в дверь зловредной соседки. Не дожидаясь приглашения, она опустилась на лавку и обмахнулась передником:

– Ох, и жарко же у тебя, соседушка. Но в королевском-то дворце сейчас жарче.

Тощая Мэри понимающе улыбнулась порчеными зубами. Ее так заинтересовало, что же сейчас творится в спальне королевы, что она налила Элейн кружку свежего пива и уселась напротив нее, заглядывая в глаза. Толстуха важно попила, обтерла красной ладонью мокрые губы и продолжила:

– Это Мордред все организовал. Он так долго шпионил за Гвиневрой и Ланселотом, что все-таки подловил их, когда они в спальне наставляли королю рога.

– Так уж прямо и наставляли? – недоверчиво произнесла Мэри.

Элейн важно посмотрела на соседку.

– Да он только успел на себя латы натянуть, как в спальню вбежали все рыцари и накинулись на него! Он схватился за меч и всех их порубил!

– Ох, ты! – участливо охнула Мэри – И Гвиневру тоже порубил?

Толстуха от удивления даже поперхнулась. Она посмотрела на Мэри сердито, но, не найдя в ее лице и намека на насмешку, степенно продолжила:

– Да говорю же тебе, сэр Ланселот убил почти всех рыцарей. Но королеву никто трогать не стал. Она спряталась от страха под кровать и ее вначале не нашли.

– Королева залезла под кровать? – не уставала удивляться Мэри – Королева?

– Как мышка! Когда сэр Ланселот сбежал, ее вытаскивала оттуда прислуга! Она кричала, извивалась, кусалась как бешеная. Пришлось отодвигать кровать. И теперь ее приговорят к смерти, я так думаю.

Тощая Мэри зацокала языком, стараясь изобразить на сером лице жалость.

– И этот негодяй Ланселот ее бросил?

– Конечно, зачем она ему нужна! Одно дело у короля под носом с женой развлекаться, другое дело – жениться на такой. На войну не уйдешь спокойно, рыцарей в свой дом не привлекаешь. Правда? Кому они нужны, такие...

Элейн не решилась сказать слово, вертевшееся у нее на языке. Ведь королеву еще не казнили. Вдруг король с ней помирится, а Тощая Мэри потом разболтает, что сапожница назвала Гвиневру дурным словом. Поэтому Элейн прикусила язык и глянула на соседку. Та изучающе смотрела в ее сторону. Но чувство справедливости распирало обеих сплетниц, поэтому после минутной заминки их диалог продолжился.

– А еще говорят, что шут уговаривает короля не наказывать королеву и ее любовника, да только кто этого уродца будет всерьез слушать. Ее должны казнить, я так думаю. Правда, мой муженек думает, что добрый Артур ее пожалеет.

– Зря! Таких надо примерно наказывать. Чтобы чужих мужей не отбивали. Когда назначена казнь? – с любопытством спросила Мэри, которой обязательно хотелось посмотреть, как расправятся с красавицей Гвиневрой.

– Через неделю, наверное, – произнесла довольно уверенно Элейн.

– Обязательно приду посмотреть, как накажут ту, что нарушила священный обет верности своему мужу.

– Надеюсь, палач наточил топор поострее, чтобы королева долго не мучилась... – жалобно произнесла Элейн.

Соседки переглянулись и понимающе рассмеялись...

* * *

Ланселот стоял напротив Гвиневры и смотрел на нее печальным взглядом. Лицо королевы было безучастным. Она нерешительно теребила в руках шелковый платочек.

– Уходи, Ланселот. Я приказываю тебе.

– Ты меня не любишь? Скажи мне, что ты меня не любишь, и я сегодня же уеду из Камелота.

– Уезжай и больше никогда сюда не возвращайся.

Гвиневра тяжело опустилась на кровать и закрыла лицо руками. Ее плечи затряслись от рыданий.

– Уходи, Ланселот! Я прошу тебя, сегодня же уезжай из города. Я не хочу тебя видеть, я не могу тебя слышать. Моя душа разрывается на части, когда я вижу, как страдает Артур. Я сделала свой выбор – я остаюсь со своим мужем, чтобы прожить с ним всю свою жизнь.

Ланселот упал перед Гвиневрой на колени и зарылся лицом в подол ее платья.

– Королева, умоляю, не гони меня прочь! Мне жизнь не мила, когда я не вижу твоего лица, не слышу твоего голоса, не чувствую твоего запаха. Чем мы провинились перед Богом, за что он нас так наказывает? Моя жена немного похожа на тебя, поэтому я согласился на этот брак. Я так часто называю ее твоим именем, что она уже не обижается на меня. Но продолжает ненавидеть тебя за мою любовь. Артур отдал меня от своего двора. Мои друзья перешептываются за спиной, моя мать поджимает губы, когда слышит твое имя. Весь мир против нас, а я схожу с ума от любви к тебе.

Гвиневра гладила плачущего Ланселота по волосам. Грустные мысли слишком долго одолевали этих двоих, и теперь слезами прорвались наружу. Почему они не встретились раньше? Ведь все могло быть совсем по-другому. Ведь они еще молоды. И они могли бы быть самыми счастливыми людьми на земле. Но все сложилось не так, как сейчас хотелось бы. Теперь их судьбы переплелись в неразрывный клубок, который уже нельзя распутать. Можно только разрубить.

Гвиневра взяла лицо Ланселота в ладони и подняла его вверх. Заглянув в глаза, она устало произнесла:

— Уезжай, Ланселот. Я была влюблена в тебя, раньше. Но все прошло и мое сердце бьется ровно. В моей душе есть только один человек — Артур. Я дала клятву перед Богом и никогда ее не нарушу.

— Я знаю. Я не требую, чтобы ты изменила Артуру. Я хочу, чтобы ты стала моей женой. Я хочу, чтобы ты засыпала и просыпалась со мною рядом, чтобы птицы пели только для нас двоих.

Гвиневра отрицательно тряхнула волосами и тяжело вздохнула:

— Нет. Все отвернутся от нас, а сами мы не сможем любить друг друга после такого предательства. Мне было хорошо с тобой, когда ты был моим другом. Но людская молва сделала нас любовниками, и мне тяжело жить с той мыслью, что меня презирают все вокруг. Понимаешь, все вокруг меня ненавидят. Если бы я была простой крестьянкой, в меня бросали бы камни. Но некоторые слова тяжелее булыжника, летящего в спину.

Гвиневра резко поднялась на ноги и отошла от кровати. Затем вернулась и положила руки на плечи рыцаря.

— Вставай, нам пора прощаться.

Ланселот встал с колен и склонил голову к королеве в своих.

— Скажи мне, что ты любишь меня.

— Нет, я не могу этого сказать, — с тяжелым вздохом произнесла королева. — Все эти годы я думала лишь о том, что я люблю тебя. Я представляла, как мы вдвоем уедем далеко-далеко и будем там счастливы. Но время шло, а ты все не приезжал. И знаешь, моя любовь устала — ждать, надеяться, мечтать. Когда я узнала, что ты женился, то думала, что сойду с ума от горя. Когда у тебя родился сын — для меня не было печальнее дня, ведь это был твой ребенок, рожденный не мною.

Гвиневра прервала свой отчаянный монолог и грустно улыбнулась:

— А сейчас время все расставило на свои места. Теперь слишком поздно что-либо менять. Даже если мы сбежим из дворца, мы будем несчастливы.

— Почему? — голос рыцаря был охрипшим.

— Потому что я предам своего мужа, а ты — своего сына. Он отвернется от тебя и не станет называть отцом. А других детей у тебя уже не будет, ведь мое чрево пустое, и ты знаешь об этом. Когда мы насладимся друг другом ипротрезвеем, то поймем, как много причинили страданий тем, кто нас любил. Я не хочу заставлять сердце Артура сжиматься от боли! Он мой муж, и я останусь с ним — ради нашего прошлого и будущего.

Гвиневра вновь заплакала. Ланселот схватил ее в объятья и крепко прижал к себе.

— Не плачь, пожалуйста! — зашептал он — Прости мне мою любовь. Разреши хоть один раз в жизни поцеловать тебя. На прощанье, чтобы запомнить вкус твоих губ.

Гвиневра послушно подняла мокрое от слез лицо, и они слились в горьком прощальном поцелуе.

* * *

В их первом и последнем поцелуе перед тем, как в спальню королевы ворвались рыцари во главе с королем Артуром. Гвиневра отпрянула от Ланселота и замерла на месте, взглянув в перекошенное от ярости и боли лицо короля. Рыцари столпились, не зная, что им делать — нападать на Ланселота или вложить мечи в ножны. Артур молчал. Ланселот смотрел на Гвиневру. Наконец он сделал к ней шаг и взял ее за руку.

— Гвиневра, ты пойдешь со мной.

— Нет, — спокойно ответила королева.

– Они убивают тебя.

– Я знаю.

Рыцари в замешательстве наблюдали за сценой. Артур исподлобья смотрел на свою жену. Гвиневра высвободила свою руку и подошла к королю.

– Артур, убей меня сейчас, прежде чем на мою голову ляжет печать бесчестья.

Ланселот шагнул навстречу королю.

– Она любит вас, ваша милость. Но она вас просто жалеет. Между нами никогда ничего не было. Но я люблю Гвиневру, а она любит меня, хоть и говорит, что это не так. И поэтому я хочу, чтобы она стала моей женой. Она будет со мной более счастлива.

Артур молча покачал головой и глубоко вздохнул. Рыцари понуро рассматривали свои сапоги. Гвиневра подошла к королю и встала рядом с ним.

– Уходи, Ланселот. Я виновата перед Артуром, и я готова отдать жизнь.

Неожиданно, словно дождавшись какого-то тайного, понятного только ему сигнала, сэр Мордред выхватил меч и бросился на Ланселота. Но рыцарь успел увернуться, и острие разрубило дубовую спинку кровати и застряло в нем. Ланселот выхватил свой меч и был готов броситься на Мордреда. Но остальные рыцари уже достали оружие и подготовились к бою.

– Беги, Гвиневра! – закричал Ланселот – Во дворе тебя ждет запряженная лошадь! Скачи до моего замка, и спрячься там до моего прихода.

Но Гвиневра лишь покачала головой и встала перед Ланселотом, загородив его своим телом от нападающих. Оттолкнуть королеву никто не решился.

– Артур, я умоляю тебя, отпусти его! – потребовала королева – Он должен жить, он не совершил никакого преступления против тебя. А если ты хочешь крови, то накажи меня, свою жену.

Тут вперед выступил Мордред. Он сумел выдернуть меч и держал его на излете, словно желая ударить и Артура.

– Да, Артур, отпусти его! И над тобой будут потешаться как над добрым оленем.

Гвиневра с размаху ударила Мордреда по лицу. Тот словно этого и ждал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.